

18+

МАРИНА СМЕЛЯНСКАЯ

СТРАНСТВУЮЩИЙ ОРУЖЕНОСЕЦ

Марина Смелянская
Странствующий оруженосец

«Издательские решения»

Смелянская М.

Странствующий оруженосец / М. Смелянская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900685-1

Роман в жанре фэнтези, рыцарский роман, мистика. Действие происходит в 1183 году в Нормандии и на территории нынешней Франции. Мишель, сын барона де Фармер, после ссоры с отцом уходит из дома и отправляется в путешествие в поисках приключений, подвигов и рыцарского сана.

ISBN 978-5-44-900685-1

© Смелянская М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	46
ГЛАВА ПЯТАЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Странствующий оруженосец

Марина Смелянская

Редактор Алексй Нярвяйнен

© Марина Смелянская, 2022

ISBN 978-5-4490-0685-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

*О Боже доблести, надежды, Боже сил!
Мне милость изъяви, дабы я не жил вскую,
Дабы не преступил я заповедь святую
И враг от доблести меня не отвратил.*

Гильем дельс Амальрик¹

«Нынешним утром собираюсь я покинуть отчий дом и фьеф Фармер, дабы ступить на путь подвигов и приключений, целью коего есть получение рыцарского пояса. Но прежде перед отцом небесным и совестью своей даю слово делами доказать, что достоин буду принять высокий рыцарский сан. Посему нарекаю себя в мыслях своих странствующим оруженосцем и обещаю вершить дела свои именем Господа и только им; быть до конца преданным вере своей и твердым в слове своем; свято чтить обычаи предков; никогда не отступать перед опасностью, даже если имя ей смерть; никогда не прощать предателей, клятвопреступников и вероотступников; всегда приходить на помощь нуждающемуся и молящему о ней.

Тех же, кто прочтет эти записи, если меня уже не будет на земле этой грешной, смиренно молю о прощении за боль, причиненную своими проступками, свершенными не из злого умысла, а по глупости и беспечности, за обиды и несправедливости. Живите в мире и согласии.

Мишель, баронет де Фармер».

Великий пост, год 1183.

Фармер, герцогство Нормандия

Королевство Английское

Деревянный ставень покачивался от ветра и тихо постукивал о стену. Сверху доносились воркование горлиц – в протяжных однообразных звуках слышалась безответная просьба: «пожа-а-алуйста, пожа-а-алуйста, пожа-а-алуйста». Мишель давно уже отвлекся от пергамента, свернувшегося трубкой в его расслабленной руке, и подставив лицо теплomu весеннему ветру, смотрел на туман, поднимающийся над ржавыми с прозеленью холмами и перелесками, на позолоченные облака, в глубине которых поднималось солнце. В прозрачном воздухе звуки просыпающегося двора легко доносились до самого верха донжона.

– Лошади готовы, ваша милость.

Задумавшись, Мишель не заметил, как в комнату вошел Жак – старый слуга, бывший рядом с ним всю его недолгую жизнь длиной в шестнадцать лет, и готовый сейчас разделить все трудности путешествия. Жак держал в руках свою котомку и теплый плащ, подбитый заячьим мехом.

Вздыхнув, Мишель развернул пергамент и пробежал глазами написанное. Добавить было нечего, он плотно свернул его и еще раз вздохнул.

– Передать это барону Александру? – осторожно спросил Жак и протянул руку.

---

¹ Перевод А. Г. Наймана

– Нет, – коротко ответил Мишель, резко встал с сундука, поднял его крышку и небрежно бросил туда пергамент, потом сложил туда письменные принадлежности и прикрыл все это отрезом сукна. Крупная серая гончая, лежавшая рядом с хозяином, положив лобастую голову на его сапог, вскочила вместе с ним и выжидающе завилыла хвостом. Мишель потрепал пса по голове – его звали Саладином или просто Салом, – повернулся к Жаку и твердым голосом произнес:

– Я готов. Идем, Жак.

– С отцом прощаться будете? – тихо спросил тот, отведя глаза в сторону.

– Зачем? – пожал плечами Мишель. – Мы уже попрощались.

Обойдя сокрушенно молчащего слугу, он покинул комнату, быстро прошел по галерее и спустился в зал. Там начинали готовиться к обеду: слуги вытряхивали красную скатерть с хозяйского стола, протирали влажной ветошью отполированные рукавами доски; из кухни поднимались ароматные запахи выпечки. Мишель почувствовал легкий укол – словно тоненьким копьём в сердце ткнули – он уходит, покидает родной дом, быть может, навсегда, а здесь продолжается все по-прежнему, и будет так после его ухода. Никто даже и не заметит, что его нет, разве что собаки. Впрочем, сейчас они радостной гурьбой кинулись к Мишелю, а завтра также будут рады кому-нибудь еще. Только кто ж теперь будет украдкой кидать им под стол пропитанные соусом хлебные горбушки?.. Ведь от хозяина замка, барона Александра де Фармер, такого угощения не дождешься – разве что кость обглоданную кинет.

На смену мрачным мыслям вспыхнула мальчишеская заносчивость – ну и пусть! Возитесь тут со своими тряпками, плошками, играйте в игрушки, ройтесь в земле или других заставляйте – все одно, а я избираю себе путь воина, судьбу, достойную потомка викингов и сына крестоносца!

Ни на кого не глядя, Мишель прошествовал через зал с таким видом, будто произнес эти слова вслух, и все смотрят на него с восхищением. Но на самом деле мало кто из слуг обратил внимание на молодого баронета, уходящего куда-то с надменным выражением лица – зрелище привычное. К вечеру вернется весь измочаленный, измазанный (и где только благородный так уделаться смог?) и станет требовать еды да питья, а то еще велит нагреть бочку горячей воды на ночь глядя...

Во дворе стояли две взнузданные и оседланные лошади с туго набитыми седельными сумками; Мишель, увидев одну из них – черную, как смоль, с белой полосой вдоль морды, почувствовал, как на душе, подернутой ледком тоски, чуть потеплело. Виглаф-конюх, пожалуй, единственный из слуг в замке знал, куда и зачем отправляется Мишель, и приготовил ему свою (да и Мишеля тоже) любимую лошадь – вороную кобылу-полукровку, дочку злобного арабского жеребца Сарацина. Фатима унаследовала от отца прекрасные формы и сообразительность, а крутой нрав и непримиримость к принуждению ей, по счастью, не достались. На ней катали, обучая понемногу верховой езде, шестилетнего Эдмона, младшего брата Мишеля, и ребенок уже считал покладистую кобылу своей, бесцеремонно дергая ее за хвост к ужасу няньки. Мишель, однако, имел свои виды на Фатиму, потому что вместе с Виглафом выкормил ее овечьим молоком – ее мать околела вскоре после родов. И теперь, увидев свою любимицу, готовую разделить с ним неизведанный путь, Мишель мысленно поблагодарил Виглафа, всегда безошибочно определявшего, что творится в душе юноши – вот и теперь.

Мишель ласково поглаживал Фатиму по лоснящейся гибкой шее, поджидая Жака, задержавшегося на кухне, когда к нему подошел Виглаф.

– Ты твердо решил? – когда поблизости никого не было, старый конюх обратился к Мишелю как к своему внуку, такова была негласная договоренность, установившаяся меж ними, Мишель же говорил с ним почтительно, как со старшим. Да и трудно было поступать иначе, даже сам барон никогда не позволял себе понукать им – повеления его звучали как просьбы, а зачастую он советовался с Виглафом о многих важных делах, как с равным: если

Мишелю он мог приходиться дедом, то барон Александр почитал его вторым отцом. Не только характером, но и внешностью Виглаф внушал к себе уважение – высокий рост, широкие плечи, белоснежная грива волос, перехваченная на лбу истертым кожаным ремешком, густая окладистая борода. Одевался он всегда просто – кожаная безрукавка, надетая на голое тело в любую погоду, аккуратно залатанные кожаные штаны, широкий пояс и высокие сапоги из грубой свиной кожи. В понимании Мишеля именно так должен был выглядеть властный и мудрый ярл, повелевающий своим народом одним взглядом пронзительно синих глаз, и в детстве он часто воображал, будто Виглаф – один из древних богов, живущий среди викингов со старых времен. Он пришел вместе с норманнами на новые земли да так и остался здесь со своим народом, с горечью в душе наблюдая, как потомки храбрых завоевателей становятся простыми землевладельцами, без сожаления променявшими зов лебединой дороги на каменные крепкие замки. В пылу фантазий, Мишель как-то забывал, что повторяет мысленно слова Виглафа, слышанные не один раз. Случалось, что, проведя бессонную ночь, рисуя перед мысленным взором то нападение викингов на Рим, то поход в сказочный Винланд, и могучего бога-Виглафа, принявшего облик воина и призывающего удачу избранному народу, Мишель приходил в конюшню и с трудом избавлялся от наваждения, что перед ним не чудесный воин, а конюх замка Фармер Виглаф Сигурсон...

– Так ты твердо решил? – повторил свой вопрос Виглаф, когда Мишель, задумавшись, так и не ответил ему.

– Да, твердо, – склонил голову Мишель и взял свою кобылу под уздцы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ССОРА

*Не знаю, под какой звездой
Рожден: ни добрый я, ни злой,
Ни всех любимец, ни изгой,
Но все в зачатке;
Граф Пуатевинский.²*

Вчерашний день ничем не предвещал последовавших утром событий.

Несмотря на зарядивший к ночи дождь, едва дождавшись, когда все в доме уgomонятся, Мишель выбрался через кухню наружу, в промозглую морось. Пройдя через двор к густым зарослям одичавших кустов шиповника, он натянул на голову плащ и, пригибаясь, нырнул в путаницу мокрых колючих прутьев. Нашулав в темноте щеколду на калитке, уводящей из-за стен замка прямо в деревню, Мишель отворил тихо скрипнувшую дверь. Спуститься с холма по раскисшей тропинке, миновать черное незасеяное поле, на окраине которого приютился кособокий сарай, до верха заваленный сеном, и вот уже из серой дождливой мглы на него смотрят с притворной обидой блестящие карие глазки, а низкий грудной голос произносит с укоризной:

– Ваша милость, я вся промокла и замерзла, пока вас ждала!

– Пришла-таки? Ничего, я уж тебя согрею, – усмехнулся Мишель, подхватил девушку на руки и внес в сарай.

Ани, кареглазая крестьянка с толстой темно-русой косой, встретила Мишелю в поле, и он, едва завидев неторопливо бредущую девушку с корзиной, полной трав и цветов, немедленно принялся горячить лошадь, заставляя ее встать на дыбы. Та, не разделяв желание хозяина покрасоваться перед девушкой, заупрямилась, вскинулась на дыбы и тут же, опустившись на передние ноги, задрала вверх круп, недовольно брыкаясь. Не удержавшись в седле, Мишель позорно слетел в грязь, а лошадь, освободившись от неучтливового всадника, помчалась домой, в замок. Пес Саладин, всегда сопровождавший хозяина в прогулках, с азартным лаем кинулся за ней, норовя куснуть за ляжки и ловко увертываясь от бешено мелькающих копыт. Девица поначалу звонко расхохоталась, но потом, увидев, что молодой сеньор лежит без движения, бросила корзинку и подбежала к нему. А Мишелю только этого и надо было. Он старательно притворялся, пока девушка дула ему в лицо, хлопала по щекам, развязывала шнурки котты и вполголоса причитала:

– Ох, беда-то какая! Это ж надо было так убиться! Нашего барона сын, старший!.. Молоденький такой, хорошенький... Ой, что же делать-то?

Немалых трудов стоило Мишелю сдерживать смех, слушая сбивчивые слова, в которых путались страх, жалость и любопытство. Наконец, когда она в очередной раз наклонилась и принялась обдувать ему лицо, Мишель неожиданно обхватил ее голову и притянул к себе.

– Что делать? Поцеловать, конечно же! – закричал он, и тотчас уши его заложило от пронзительного визга. Вывернувшись, девушка вскочила и что было сил побежала прочь, позабыв свою корзинку. Мишель бросился за ней вдогонку, благо нисколько не ушибся, упав в мягкую вскопанную землю, без труда настиг и ухватил за косу. Споткнувшись, девица шлепнулась и тут же расплакалась. Мишель мгновенно скис, растерянно стоя над ней и не зная, что предпринять.

---

² Перевод А. Г. Наймана

– Я думала вы убились, – всхлипывая, проговорила та. – А вы нарочно... Думаете, если девушка простая, так и пугать надо? Я хотела помочь вам...

Мишель помог ей подняться, вытер со щек слезы, стал отряхивать от комьев влажной земли платье. Девушка, изредка всхлипывая, с удовольствием принимала заботу сеньора, и когда Мишель, отойдя на пару шагов и оглядев ее, удовлетворенно кивнул, сказала:

– Я так испугалась за вас, ваша милость! Вы ведь такой молодой, красивый...

– Ты тоже, наверно, когда не зареванная, – ответил Мишель, занятый теперь собственной одеждой. Нет, угораздило же сегодня взять эту рыжую, которая чуть что, начинает брыкаться! Иди теперь домой пешком, в грязи перемазавшись... И Сал куда-то подевался... – Как зовут-то тебя, заботливая?

– Ани, – скромно потупив глазки, ответила девушка и хитро улыбнулась. – А я вас знаю, ваша милость. Вы сир Мишель, старший сын нашего барона Александра.

– Ну-ну, – хмыкнул Мишель. – А откуда знаешь?

Ани покраснела, смутившись еще больше, и, хихикнув, сказала:

– О вас все девушки наши говорят...

– Да? – заинтересованно переспросил Мишель. – И что же они обо мне говорят?

– Ну... – Ани замялась, борясь со смехом и стеснением, не удержавшись, приснула и выговорила:

– Что вы, ваша милость, ну... хороший любовник...

– Так-так, продолжай, – пытаюсь сохранять серьезность, потребовал Мишель. – Может быть, ты хочешь проверить эти досужие рассказы?

Давясь от смеха, Ани резко развернулась и бросилась бежать через поле к деревне, ухватив свою брошенную корзинку. Мишель на этот раз не стал ее преследовать, лишь крикнул вослед:

– Где проверять-то будем? Эй!

Девушка остановилась, посмотрела на него через плечо и, вскинув руку в сторону сарая, притулившись у края поля на дальнем его конце, побежала дальше.

Мишель некоторое время постоял, усмехаясь и покачивая головой, и только собрался повернуться и идти домой, как сильный удар лап в спину свалил его на колени. Сал, пробежав немного за лошадью, опомнился, кинулся обратно и, увидев, что хозяин все еще там, где он его оставил, радостно кинулся к нему изо всех своих собачьих сил.

* * *

Ани оказалась весьма искусенной в любовных играх, и Мишель едва волочил ноги, возвращаясь домой в млечно-белом предутреннем тумане, который оседал на лице противной холодной влагой. Он с удовольствием остался бы спать в душистом сене, уткнувшись в ароматный разрез платья на груди Ани, но она боялась младшей сестры, которая заметила, как старшая уходила из дома и не преминула бы наябедничать строгому отцу. Поэтому ей нужно было вернуться до света, чтобы с раннего утра, как ни в чем не бывало, заняться хозяйством, и пусть эта мелюзга попробует что-нибудь доказать. Разумеется, на следующую ночь было назначено очередное свидание, и раздумываясь девушка, поцеловав Мишеля в щеку, покинула его. Разговоры о младших сестрах и суровом отце напомнили ему о собственном младшем брате, который запросто мог тоже выследить его, и об отце, который уже как-то высказал ему в довольно бесцеремонных выражениях свое мнение относительно его любовных похождения. Полежав немного, покусывая травинку, Мишель со вздохом оделся, спрыгнул с сеновала и поплелся к замку.

Выбравшись из-под цепких веток шиповника, Мишель стянул плащ и с силой встряхнул его.

– Ну, и где же ты шлялся? – голос отца прогремел в тишине так внезапно и громко, что Мишель, сильно вздрогнув, выронил из рук плащ. Барон Александр был полностью одет, видно, он так и не ложился, задумав подстеречь сына.

– Вышел... воздухом подышать... – проговорил Мишель, сглотнув сухой колючий комочек в горле.

– В соседнюю деревню! Так я тебе и поверил, негодяй! – с этими словами барон, будучи выше и сильнее сына, без труда справился с его невольным сопротивлением и, крепко держа за ворот, так, что Мишель и головы повернуть не мог, повел в башню. На лестнице, ведущей из нижнего зала донжона на второй этаж, Мишель споткнулся, грохнув коленями о деревянные ступеньки, но барон только встряхнул его, как щенка, не останавливаясь, и Мишелю пришлось, стиснув зубы, шагать рядом с ним, преодолевая слабость в немеющих от острой боли ногах.

Барон втолкнул Мишеля в свой кабинет и отпустил.

– Стой здесь и слушай, что я тебе буду говорить, – сказал он, и Мишель, все еще не оправившись от испуга, покорно остался стоять посреди комнаты, глядя прямо перед собой. Конечно же, отец отчитывал его и раньше, бесчисленное количество раз, но никогда Мишель не видел его в такой ярости. Барон, прихрамывая, отошел к столу, заваленному скрученными пергаментными свитками и перьями с вымазанными в чернилах концами, скрестил руки на груди и заговорил:

– Я долго закрывал глаза на твое наглое поведение, но всему есть предел. Ко мне пришел отец Дамиан из Сен-Рикье и сообщил, что некоторые девицы признались ему во грехе прелюбодеяния. Дело-то, конечно, житейское, но преподобный отец, решившись на нарушение тайны исповеди, сказал мне, с кем они грешили...

– Ну, и с кем же? – проговорил под нос Мишель. Ему, наконец, стал ясен истинный повод нынешнего «нравоучения», он осмелел и вознамерился держать оборону до конца.

– Что? – барон Александр быстро шагнул к нему. – Что ты там еще бормочешь, бездельник?

– Интересуюсь, с кем нынче грешат деревенские девицы, – хмыкнул Мишель, бросив короткий взгляд на отца и тут же отвернувшись в сторону.

Барон сжал кулаки, с трудом удержавшись, чтобы не треснуть сына по ухмыляющейся физиономии.

– С тобой, будто ты не знаешь, негодяй! – барон Александр разжал ладони и стиснул их еще сильнее, да так, что побелели костяшки пальцев. – Мал еще зубы на отца скалить!

– Беру пример со старших, – тихо сказал Мишель. Он прекрасно понимал, что вступать в перебранку с отцом, когда он по-настоящему разозлен, все равно, что дразнить дикого льва, но дух противоречия пересилил страх. К тому же, за дверью слышался шорох и сопение: Эдмон был уже тут как тут.

– Что-о? – барон Александр недоуменно посмотрел на Мишеля. – С каких еще старших?

– А с тех, чьи сынки от грешных крестьянок в сокольничих ходят и...

Мишель собирался закончить еще более едкой фразой, но не успел. Одна за другой, три хлестких пощечины обожгли его щеки, после третьей Мишель повалился на пол, закрыв лицо обеими руками. Первый раз в жизни отец ударил его по лицу.

Барон Александр сразу же догадался, кем вздумал попрекать его строптивый сынок. А имелся в виду сокольничий Эмери – сын барона Александра от кухонной прислужницы, появившийся на свет незадолго до того, как пришла в Фармер баронесса Юлиана.

Возня за дверью притихла, не шевелился и Мишель, будто пощечины выбили из него дух. Между пальцев, плотно прижатых к лицу, просочилась тонкая струйка крови и поползла по дощатому полу между сухих соломинок.

– Не тебе совать нос в мои дела! – бросил барон Александр. – Сопляк еще, чтобы осуждать меня! Я в твоём возрасте и третьей части из твоих грешков наворотить не успел! Так

что молчи и слушай! Теперь твоя свобода кончится, шага, не спросившись у меня, сделать не посмеешь. А еще лучше – убирайся совсем из замка, с глаз моих долой! Не хочу краснеть перед соседями из-за твоих выходов. У всех старшие сыновья при деле, кто фьефом управляет уже, кто в оруженосцах у сеньоров служит, но никто из них не шляется с деревенской шпаной по лесам и не кроет, как жеребец, всех встречных девиц! Господи, за какие грехи мне такой позор? ... Да ты просто недостойн быть сыном покойной матери своей баронессы Юлианы! Счастье, что ушла она в Царствие Небесное и не видит, в какое отребье превратился ее первенец, любимый сын, надежда и опора рода!

Едва прозвучала оброненная дрогнувшим голосом последняя фраза, неподвижно лежавший на полу Мишель неожиданно вскочил и, брызнув из носа кровью, кинулся с кулаками на отца.

– Ты виноват, что она умерла! – он ударил барона Александра в широкую грудь.

Немного испугавшийся отец подхватил Мишеля, отстраняя от себя, однако он продолжал размахивать руками, зажмурив глаза:

– Ты и твой любимчик Эдмон! Не нужны вы мне, никто! Без вас проживу!

Барон де Фармер, растерянный и мгновенно позабывший весь свой гнев, опустил разрыдавшегося Мишеля на пол. Никогда он еще не видел его таким, даже на похоронах матери, а тут... Черт знает, что! Надо позвать Жака. Распахнув двери, барон Александр едва не зашиб прильнувшего к щели между дверными створками Эдмона, ухватил его за ухо и увел в детскую, дав для убедительности подзатыльник. Возвращаясь назад, барон встретил Жака, осторожно идущего по коридору с лампадой в руке. Разбуженный криками, слуга не на шутку перепугался и поспешил наверх, разнимать поссорившихся господ. Он давно уже опасался подобного, наблюдая, как Мишель сбегает по ночам из дома, а барон молча терпит это, накапливая злость. Хозяин привел слугу в свой кабинет и молча указал на Мишеля. Жак, шепча под нос неразборчивые причитания, помог Мишелю подняться, отвел в его горницу. Там Мишель злобно выкрутился из его рук, захлопнул дверь перед самым носом слуги, бросился на ложе и пролежал неподвижно оставшуюся ночь и утро.

А изрядная доля правды в горьких словах Мишеля все-таки была.

С Юлианой ван Альферинхем барона Александра познакомил его друг и соратник, рыцарь из Брабанта барон Фрейк ван Альферинхем, с которым они воевали в Святой Земле и оба были ранены. По возвращении Фрейк привез тяжело больного друга к себе в поместье Альферинхем – подлечить раны, а заодно и познакомить с сестрой – прелестной и благонаправленной, по его словам, девушкой, в сердце которой пока еще не горело ничье имя, кроме Божьего.

Поначалу барон Александр избегал встреч с Юлианой, опасаясь, что в разговоре со скромной и набожной девушкой может проскользнуть крепкое словцо из тех, что частенько встречаются в мужских разговорах, а за три года походов, битв и лишений речь и манеры его успели достаточно огрубеть. Полученная в сражении рана причиняла ему сильные страдания – турецкая сабля вонзилась глубоко в бедро и уперлась в кость, едва не перерубив ногу, барон уже не мог ходить и едва не умер по пути из Святой земли от кровотечения. Юлиана поначалу боялась огромного, бородатого, загорелого до черноты рыцаря, измученного и озлобленного неутихающей болью; замирая от страха, она промывала, обрабатывала целебными мазями и перевязывала запущенную рану, а он только глухо рычал, покорно вынося все болезненные процедуры. Благодаря ее неустанным заботам, рана очистилась и начала заживать, рыцарь стал возвращаться к жизни, понемногу ходить при помощи слуг, потом самостоятельно, опираясь на палку. Постепенно привыкая к богатой изысканности, Александр стал искать встреч с Юлианой, под предлогом пользы ежедневных прогулок для полного восстановления ноги, они подолгу гуляли вдвоем, беседуя – барон красочно рассказывал о своих приключениях в Святой Земле, опуская некоторые подробности, а девушка восторженно внимала ему. И вот однажды

настал момент, когда сир Фрейк понял – скоро его сестра станет женой лучшего друга, а также полноправной хозяйкой плодородного фьефа. Что может быть лучше?

Тонкая, бледная, с матово-прозрачной кожей, которая, казалось, светилась изнутри, Юлиана всей душой полюбила сильного, высокого, темнородого и зеленоглазого красавца-норманна, а он, в свою очередь, был безнадежно покорен ее хрупкой красотой.

Они обвенчались в маленькой церкви в поместье Альферинхем, где обряд проводил старенький подслеповатый священник, беспрестанно путавшийся в латинских псалмах, чем очень смешил Юлиану, которая с трудом сдерживала совершенно не приличествующий данному месту и действию смех. Потом они отпраздновали скромную свадьбу и, проведя медовый месяц в живописных уголках Брабанта, уехали в замок Фармер.

Молодая баронесса де Фармер, – тихая, добрая, богобоязненная, сразу понравилась домочадцам барона Александра. Она была одинаково ласкова со всеми, будь то знатный гость или бегающие по двору чумазые дети прислуги. Юлиана очень любила цветы, в родительском доме она оставила великолепный сад и аптекарский огород, и, едва обосновавшись в замке, принялась за свое излюбленное занятие. Под окнами ее покоев был разбит большой цветник, где, благодаря более мягкому и теплему климату, цветы и целебные травы росли быстрее и распускались пышнее. Аккуратные букетики изящно сочетавшихся между собой цветов можно было обнаружить в самых неожиданных местах, и в старом замке Фармер, сохранявшем внешнюю суровость, стало радостно и тепло. Из лекарственных трав Юлиана готовила различные целебные настойки, мази, отвары и прочие снадобья, которыми пользовалась любого нуждающегося в помощи.

В положенный срок родился ребенок. Это был мальчик, и барон Александр едва не помешался от счастья, когда ему вынесли первенца. Здорового и голосистого наследника, названного Мишелем, крестил отец Фелот – святой отшельник, издавна живший неподалеку от замка, в лесу, и часто хаживавший в гостеприимный дом, где царствовала кроткая и приветливая хозяйка. Мальчик рос, на радость отцу, бойким и смышленным. Едва научившись ходить и разговаривать, Мишель стал разыгрывать с детьми прислуги сценки из лэ и баллад о героях и рассказов отца, используя в качестве оружия палки и все, что попадалось под руку. Сам он выступал, разумеется, в роли самого отважного, самого доблестного и бесстрашного рыцаря.

Как-то раз пятилетний Мишель, воспользовавшись тем, что барон Александр уехал на охоту и второпях забыл запереть свой покой, забрался туда, завладел старым мечом из развешанных на стене, до которого смог дотянуться, выволок его во двор и предложил приятелям новую увлекательную игру – поединок крестоносца с сарацином. Воинственная забава едва не окончилась печально – Мишель поднял меч и собирался представить, как разрубает пополам турецкого султана, которого изображал младший поваренок, улизнувший от работы, оступился, и только каким-то невероятным чудом тяжелый клинок пролетел на волосок от плеча мальчишки и вонзился в землю. Насмерть перепуганный, тот с ревом кинулся жаловаться папе-повару, а он, увидев маленького баронета с отцовским мечом, откровенно не понимавшего, почему его приятель так огорчился – сам ведь сказал, что будет сарацином! -, не дожидаясь барона, от души отшлепал проказника и запер в кладовке. Конечно, по возвращении хозяина замка история была доложена ему, а Мишель выпущен из-под ареста и сурово наказан.

Однако, барон Александр оценил столь рано проявившееся стремление сына к боевому искусству и решил превратить опасные игры в полезные. Для Мишеля был выкован особый маленький меч, и он с азартом, без усталости тренировался, в основном с Виглафом, а иногда и с отцом, насколько тому позволяла большая нога. Когда Мишелю минуло шесть лет, барон Александр стал учить его грамоте, истории и прочим дисциплинам, в которых сам разумел и которые, как он считал, не помешают в жизни будущему сеньору де Фармер. Отец Фелот, пришедший в замковую церковь служить мессы и просто так, беседы или совета ради, а также пообедать, учил его законам Божиим, кроме того из соседнего с замком аббатства Святой Тро-

ицы приходил монах и занимался с мальчиком латынью, арифметикой и астрономией. Когда Мишелю было около восьми лет, ему удалось даже получить уроки музыки и стихосложения от одного жонглера – он появился в замке в канун Рождества, тяжело больным, и баронесса Юлиана не позволила ему уходить странствовать в холод и дождь на верную смерть, уговорила барона оставить его перезимовать и благополучно вылечила, а в благодарность за спасение и предоставление крова он занимался с Мишелем, и эти уроки нравились ему не меньше, чем тренировки с мечом. Каждый вечер после ужина жонглер пел собравшимся у камина хозяевам замка и слугам кансоны и сирвенты окситанских трубадуров, Мишель узнавал новые имена, вслушивался в малопонятные, но столь захватывающие перипетии куртуазной любви, и к концу пребывания жонглера в замке, уже неплохо понимал язык «ок», на котором тот пел большинство своих песен. Мишелю очень хотелось, чтобы этот замечательный человек остался у них в замке навсегда и продолжал свои занятия. Но барон Александр считал эти знания совершенно лишними и отвлекающими от обучения тем, которыми должен обладать будущий барон де Фармер и воин войска Христова, кансоны непристойными, а всех жонглеров жуликами и сумасшедшими, и когда установились теплые весенние дни, отпустил гостя на все четыре стороны. Но любовь к музыке и стихосложению уже успела укорениться в душе мальчика, и Мишель начал понемногу сочинять стихи и мелодии, старательно скрывая свое творчество ото всех.

Больше всего Мишель не любил заучивать титулы соседей и сюзеренов, дворянский этикет, вассальную иерархию и прочее. Недовольство его росло тем больше, чем чаще беседовал он со старым конюхом. Виглаф любил говорить, что вся эта вежливость и изысканность не имеет смысла, ибо когда-то люди обходились совершенно без них, а куртуазность заменяли верный меч и однажды данное слово. Мишель искренне жалел, что прежние времена ушли навсегда, а прямота и искренность все чаще заменяются утонченным словоблудием. Даже рыцари нынче зачастую предпочитают решать споры не в поединке, но за кубком вина... Неужели норманны стали менее храбрыми и честными? И почему так случилось?

Мать Юлиана учила своего любимца наукам иного свойства. Вдвоем, без всякого сопровождения – баронессу знали и любили в округе, так что бояться им было некого – они ходили гулять в лес, и там Юлиана показывала Мишелю цветы и травы, имеющие целебные свойства, рассказывала удивительные и красивые легенды, услышав которые любой священнослужитель непременно пожурит бы ее за языческие, неблагонравные сказки, которыми может она смутить еще неокрепшую душу мальчика. Но одно другому ничуть не мешало, и Мишель с одинаковой искренностью возносил Господу молитвы и верил, что цветку больно, когда вырываешь его стебель из земли, а роса – это слезы ночи, горящей по отнимаемому светлым днем миру.

Мишель любил мать беззаветно. Когда он чересчур увлекался шалостями, и она тихо, незлобиво увещевала его, угрызения совести мучили Мишеля стократ сильнее, чем от строгих отцовских наказаний или епитимий отца Фелота. Но неумный темперамент, вопреки чуткой душе, заставлял его часто огорчать мать.

После рождения первенца в Юлиане словно что-то сломалось. Она долго не могла встать, потом постепенно вернулась к привычной жизни, наполненной домашними хлопотами и заботами, но приступы слабости время от времени укладывали ее в постель. Отец Фелот, недурно знакомый с врачеванием, опасался, что последующие роды могут окончиться смертью для матери и для ребенка...

Молодости трудно поверить в то, что смерть может оборвать ее счастливый бег. А если она озарена счастьем взаимной любви, смерть отступает, смиренно склонив голову и скрыв зловещую улыбку – можно и подождать, ведь все жизненные дороги ведут к ней, и нет силы, способной предотвратить конец. Только приостановить, задержать. Не больше.

Юлиана родила девочку, потом мальчика, и каждый раз все труднее и труднее было ей восстанавливать жизненные силы. Когда наступила четвертая беременность, Юлиана слегла

совсем. Роды были такими тяжелыми, что барон Александр, едва не лишаясь рассудка при мысли о том, что может потерять свою любимую жену, не пожелал доверить ее рукам опытных повитух и послал за отцом Фелотом. Опередив гонца, десятилетний Мишель пробежал не останавливаясь расстояние от замка до домика отшельника потайными лесными тропками и сам привел его.

Но было уже поздно. Новорожденный прилежно кричал, морща красное личико, а Юлиана лежала, утопая в мягких шкурах, чей мех слипся от крови, залившей простыни и стекавшей на пол, неподвижная, снежно-белая, и внутренне свечение медленно исчезало с ее лица. Барон Александр стоял на коленях, прижав ко лбу мраморную руку жены. Когда Мишель, все еще не понимавший, что произошло, коснулся его плеча и хотел что-то спросить, тот вскинул голову, пристально посмотрел на него и с глухим стоном вышел из зала. В тяжелой душевной тишине раздался стук копыт со двора, и, подбежав к окну, Мишель увидел, как отец, чуть не сбив привратников, торопливо распахивавших ворота, уносится в поле, нещадно нахлестывая лошадь.

Он посмотрел на мать, и вдруг мелькнула мысль – отец кинулся догонять ее. Она уходит и может никогда не вернуться, но папа непременно догонит ее и вернет. Иначе быть не может. Мишель спокойно прошел мимо тихо плакавших слуг, спустился во двор и сел на землю возле ворот. Все будет хорошо. Отец обязательно вернет маму. Сколько раз на прогулках верхом они гонялись друг за другом, и барон всегда достигал весело смеющуюся жену, прямо на скаку стаскивал ее с лошади и сажал в свое седло, осыпая поцелуями разругавшиеся щеки...

Барон вернулся поздно ночью, тяжело хромя и подволакивая больную ногу, измученный, мокрый от пота и росы, без лошади, которую загнал до смерти в бешеной скачке. Терпеливо ждавший Мишель встретил его у ворот, заглянул в посеревшее, отчужденное лицо и тихо спросил:

– Ты догнал маму?

Барон Александр долго смотрел на него, покачиваясь от изнеможения и хрипло дыша, а потом еле слышно ответил:

– Нет. Она ушла навсегда.

– И никогда-никогда не вернется?

– Никогда.

Отец прошел мимо него, неровные шаги гулко отдавались в ночной тишине. Внезапный порыв ветра теплыми крыльями обнял мальчика, одиноко стоявшего посреди двора перед донжоном, и улетел ввысь, в низкое облачное небо...

Мишель был уверен, что жить ему осталось недолго. Больные, зябкие дни предвзято ползли столь медленно и мучительно, что скоро должны были совсем остановиться без сил. Похороны, визиты родственников, друзей, соратников, соседей, соболезнования, сочувствия, утешения – мальчику казалось, что в их тихом замке вдруг стало невыносимо многолюдно, будто он стоит на обочине большой дороги, а мимо, словно купеческие обозы, тянутся вереницы людей, знакомых и не очень, и все к нему обращаются и что-то хотят от него, но у него нет сил вникать, а хочется просто лечь прямо в придорожную траву и уснуть навсегда. Но незаметно, истекая по капле день за днем, уходила боль, уступая место природной детской жизнерадостности. Если в первые недели после смерти матери Мишель мог часами сидеть, уставившись в стену, или лежать, не вставая, уткнувшись лицом в подушку, и несчастный Жак умолял барона Александра позвать или лекарей, или отца Фелота, но барон хорошо знал по себе – такие болезни не лечат ни лекари, ни священники, только время, то дальше, день ото дня, оцепенение начало проходить. Мишель вдруг ловил себя на смутной улыбке в ответ светлому воспоминанию, которое раньше вызывало боль, на желании с кем-нибудь поговорить, выйти на прогулку, чем-нибудь заняться, и постепенно стал забывать о тоске. Боль затаилась, лишь

изредка давая о себе знать: стоило младенцу попасться на глаза, как горечь утраты вспыхивала с прежней силой.

Отец Фелот, да и мать тоже, всегда говорили Мишелю, что месть греховна. А он и не соби-рался мстить, потому что не умел держать зло в душе. Но боль держалась цепко. Он уходил, когда в зал вносили маленького Эдмона, наотрез отказывался присматривать за ним. Когда он стал учиться ходить, Мишель относился к малышу, точно к собаке – перешагивал через него, встретив на пути, отвергал наивные попытки ребенка подружиться с ним. Поначалу пытался отвести от него сестру и среднего брата, но те не понимали и не желали слушаться его, тогда Мишелю была объявлена война и им. Подкладывания в постель лягушек и пауков, подножки, подзатыльники и игры в охоту, когда брат с сестрой становились оленями, а он – охотник – гонял их по всему замку, пришлось прекратить после отцовского сурового наказания, но высокомерное равнодушие во взгляде, короткие презрительные фразы вытравить оказалось невозможным. И отец стал постепенно отворачиваться от сына, избегать общения с ним, считая, что он растет жестоким и бездушным негодяем. И в кого только? А быть может, основной причиной отчуждения был неприятный контраст между ярким сходством Мишеля с матерью и его отвратительным характером. Барон Александр сам страдал от неутрахающей боли утраты, как когда-то от раны, но теперь уже без всякой надежды на исцеление, и не находил в себе сил простить и принять.

Вытерпев год, отец принял решение отправить Мишеля в замок своего родственника, хорошего друга и покровителя, а так же крестного отца Мишеля, барона Рауля де Небур в качестве пажа. Барон, имевший во владении много земли, большой замок, а также множество выгодных знакомств, в том числе и при дворе, с радостью согласился принять в дом своего крестника и сына близкого друга, тем более, что своих детей Бог ему не даровал. Мишель до поры не знал об оживленной переписке, о достигнутой договоренности, да и в ту пору внутренняя жизнь замка мало его интересовала, он даже не заметил сборов, проводя большую часть времени в одиноких прогулках по лесам Фармера. Лишь, когда его, раздетого во все лучшее, в сопровождении верного Жака, отправлявшегося вместе с ним в чужой дом, ранним утром вывели во двор, и он увидел нетерпеливо перебирающих ногами лошадей, туго набитые седельные сумки, собравшуюся провожать челядь, – то словно бы очнулся и понял, что покидает дом, где каждый уголок помнил дыхание матери, где можно было найти вещи, все еще хранящие ее запах, куда, в конце концов, она могла бы вернуться, ведь он так просил Господа вернуть ее... Это было бы равносильно предательству – никто не возвращается туда, где не ждут. Он вывернул ладонь из руки Жака и бросился к входу в башню, но барон Александр преградил ему путь. Тогда Мишель вцепился обеими руками в его широкий пояс, уперся лбом и закричал: «Я не хочу никуда уезжать! Не хочу! Не хочу!». Барон с трудом оторвал его от себя, поднял на руки и начал объяснять, что его отправляют к любимому крестному, в его большой замок, где он столько раз бывал, где живет много его друзей и ровесников, бывает много славных рыцарей, увидеть которых он мог только мечтать, там его будут обучать множеству интересных вещей, там часто останавливаются известные труверы и жонглеры – его ждет прекрасная новая жизнь. Но Мишель не слышал его и продолжал кричать «Не хочу уезжать!», отбиваясь руками и ногами. Кое-кто из челяди принялся истово креститься, полагая, что в невинное дитя внезапно вселился дьявол, дети прислуги расплакались. Барон прижимал Мишеля к груди, бормотал слова утешения, встряхивал, хлопал по щекам, но все было тщетно. В конце концов, окончательно растерянный и оглохший от криков, он отнял его от себя и, держа на вытянутых руках, прокричал:

– Да никуда ты не поедешь! Слышишь меня? Никуда не едешь, дьявол тебя раздери!

Разжав руки и не заботясь о дальнейшем, барон круто развернулся и ушел со двора. Мишель упал на колени, завалившись на бок, и тотчас же замолчал. Перепуганный Жак бросился поднимать его, отнес в постель и целый день, до вечера сидел рядом с ним, обессиленно

уснувшим, пока не пришел отец Фелот служить вечерню. Узнав о случившемся, он посоветовал не обманывать больше Мишеля и оставить все, как есть. Сиру Раулю де Небур было послано письмо, в котором описывался припадок Мишеля и приносились многочисленные извинения. Сильно опечаленный барон Рауль не смог ограничиться ответным посланием, приехал сам и привез с собой своего личного лекаря, чтобы он осмотрел бедного мальчика. Однако, истинную причину всего произошедшего ему объяснил отец Фелот, и добрый дядюшка, проникшись до глубины души горем ребенка, объявил, что отныне и всегда он ждет его в своем замке и рад будет по мере сил помогать ему в жизненных трудностях. Мишель остался его заочным пажом, и живя в родном доме, нес службу своему сеньору. Барону де Небур была знакома неумолимая боль потери, – его жена, после многолетних неудачных попыток выносить ребенка, ушла от мира в монастырь.

С того дня барон Александр прекратил всякое общение со старшим сыном, перепоручив его дальнейшее воспитание отцу Фелоту и Виглафу, передавал с Жаком короткие сухие записки и задания, и изредка приглашал его в свой кабинет для строгих разговоров и объявления наказаний. В остальное же время Мишель был предоставлен самому себе.

Со временем и челядь стала относиться к Мишелю с холодком и пренебрежением, и жизнь в замке стала невыносимо тоскливой и скучной. Когда не было занятий с отцом Фелотом, Виглафом или монахом из аббатства Святой Троицы, он слонялся по двору и замку, мешая всем и докучая мелкими пакостями: подкидывал горьких листьев одуванчика в кашу, отнимал у кошки, живущей на кухне, отловленных ею мышей и горстью кидал в столпившихся у очага стряпуху с помощницами, а однажды поймал курицу, забредшую на второй этаж донжона, обвинил в ереси, прочел над ней приговор, отрубил тесаком голову и отпустил с Богом. Поливая кровью траву, обезглавленная птица бегала по двору, распугивая ребятишек, пока не была схвачена собакой.

В конце концов, отец Фелот сумел внушить Мишелю, что подобные шутки отнюдь не смешны, но жестоки и недостойны его благородного происхождения, хотя сам с трудом сдерживал смех, когда молодой Фармер, ничего не скрывавший от святого отшельника, рассказывал ему, какой переполох случился в кухне, когда будто бы с неба свалились околевшие мыши с прогрызенными головками, и про физиономию стряпухи, попробовавшей кашу, заправленную «монашеской головой». Но довольно быстро Мишель придумал себе новую забаву.

Он с детства любил играть с мальчишками прислуги и деревенскими, обитавшими в замке, – бойкими, смыслеными, легко соглашающимися на всяческие авантюры, и даже организовал собственный отряд, без всяких сомнений поставив себя во главе. Барон Александр не возражал против игр своего сына с детьми крестьян – пусть учится командовать войском, пригодится. Кроме того, они были самыми искренними и непредвзятыми слушателями всех тех правдивых и не очень историй, который рассказывал им Мишель.

Все больше времени стал проводить Мишель со своим отрядом, уходя на рассвете и являясь домой затемно. Чаще всего они играли в крестовый поход, нередко оставались ночевать в лесу, совершали набеги на деревни, изображая нападение на сарацинские лагеря, ловили кур и жарили их на костре в лесу. Эти развеселые набеги продолжались в течение пары лет, несмотря на жалобы крестьян и следовавшие за этим наказания Мишеля и порки его «рыцарей». Конец веселью пришел в день, когда доблестный предводитель был пойман отцом Фелотом за жаркой «отвоеванного у сарацин гуся» и строго отчитан. Мишель в одиночестве («верные рыцари» резво разбежались по домам, едва завидев отшельника) выслушал длительную проповедь, сулившую вечные муки за грабеж и разбой среди бела дня. Не на шутку перепуганный он получил отпущение грехов только, когда покаянно обещал никогда в жизни больше не устраивать подобных разбойных налетов.

Но не прошло и полугода, как Мишель опять нашел куда менее безобидное, и гораздо более интересное развлечение. Ему уже исполнилось четырнадцать лет, и внешностью он

больше напоминал мать, нежели отца. Приезжавшие к барону Александру в гости и на охоту соседи и друзья всегда отмечали, что наследник уродился на редкость породистым – высокий благородный лоб, правильный овал лица с четко очерченной линией скул, в обрамлении золотисто-русых выющихся волос до плеч, прямой тонкий нос, крупные губы, ничуть не портящие лица, серо-голубые глаза, точно такие же, как у Юлианы ван Альферинхем. Он не мог похвастаться высоким, как у отца, ростом, но этот кажущийся недостаток с лихвой восполнялся широкой костью и сильной, пропорционально сложенной фигурой, а также легкостью движений и природной ловкостью. Крестьянские девушки охотно привечали у себя благородного красавца и с радостью дарили ему свою любовь, а он и не думал отказываться.

...Мишеля разбудило длившееся уже давно постукивание собачьих когтей по деревянному полу и тихое поскуливание – Сал, который оказался запертым в комнате, заскучал, проголодался и требовал выпустить его наружу. Увидев, что хозяин зашевелился и приподнял голову, пес завилял хвостом, побежал к двери и уперся в нее мощными передними лапами. Мишелю пришлось встать и выпустить собаку.

На душе лежала смутная горечь. Мишель некоторое время сидел в полумраке на кровати, глядя на темное пятно на подушке, потом поднял руку к лицу и потрогал запекшуюся корку крови возле носа. Холодная вода из кувшина освежила слегка отекавшее лицо, все еще горевшие щеки и вернула ясность затуманенным тяжелым сном мыслям. Отец произнес те самые слова, которые Мишель боялся сказать сам себе, о чем старался забыть, целиком отдаваясь радостям молодой жизни. «Мать Юлиана и представить себе не могла, что ее первенец станет... Неужели все это правда? Неужели я действительно превратился в разгильдяя, бездельника и прелюбодея, ведь так все это называется? А ведь меня из дому выгнали – убирайся, мол, видеть не хотим. И что поделаешь – придется идти: „Почитай отца и мать свою“. Сказано – уходи, надо исполнять...»

«Ты можешь стать всем, кем только пожелаешь, главное, будь свободен перед самим собой и никогда не лги своей душе», – только сейчас он до конца понял смысл этих слов, сказанных ему Юлианой незадолго до смерти. Честно признавшись себе, Мишель убедился, что вовсе не жаждет взять на себя скучнейшие обязанности владельца фьефа, похоронить себя заживо в стенах замка, хозяйственных заботах, обречь на вечное общение с занудными соседями, применять силу и доблесть свою на турнирах и в бессмысленных войнах с ними. А больше всего он мечтает о жизни иного свойства – путешествия, приключения, поединки, сражения, служение прекрасной даме, отважные подвиги. Одним словом, о жизни странствующего рыцаря. Сейчас ничто уже не удержит его, нити, привязывающие его к дому, истончились уже настолько, что лишь малое усилие понадобилось для разрыва. Детская вера в возвращение матери тихо отошла вместе с детством.

Посмотрев в сторону окна, в миндалевидной прорези между ставнями Мишель увидел сплошные серые тучи, укрывавшие небо. В горницу тихо вошел Жак.

Не ответив на расспросы слуги о своем самочувствии, Мишель коротко произнес:

– Жак, собирайся. Завтра на рассвете выезжаем.

– Как выезжаем? Куда? – Жак приложил обе ладони к груди, испуганно глядя на Мишеля – уж не повредился ли умом бедный мальчик, напуганный гневом отцовским.

– Куда – потом решу, главное – далеко и надолго. А сейчас – собирай мои и свои вещи, распорядись на кухне насчет еды и питья в дорогу, скажи Виглафу, пусть лошадей готовит, – отдавая Жаку приказания, Мишель подошел к окну, раскрыл ставни и, прищурив с неприщуренными глазами от дневного света, подставил лицо волне свежего воздуха, вливающегося в душную комнату. Обернувшись, он увидел, что слуга все еще стоит на месте, осознавая услышанное.

– Жак, ты плохо слышишь?

– Но помилуйте, сир Мишель, как же так... – протянув руки в мольбе, Жак сделал несколько шагов к нему.

– А вот так! – Мишель со злостью пнул ногой табурет. – Иди, делай, что тебе сказано!

Когда Жак, сокрушенно качая головой, вышел из комнаты, Мишель подошел к стене, где висело его воинское снаряжение, подаренное ему сиром Раулем: однослойная кольчуга, доходившая ему до середины бедра, миндалевидный деревянный щит, обтянутый толстой кожей и окованный полосками жести, кольчужные чулки, шлем в виде стальной конической шапочки с плотной кольчужной бармицей, наручи и поножи, и, наконец, меч с простой крестообразной рукоятью, вложенный в кожаные, укрепленные стальными пластинами ножны. До сих пор все доспехи Мишелю приходилось использовать лишь на турнирах, ему захотелось немедленно облачиться в них и в полном вооружении выехать из замка, как будто прямо за его воротами его ждали не мирные холмы, леса и поля, а полчища врагов. Однако, недруги были лишь в его воображении, а тяжесть боевых доспехов существовала на самом деле, и Мишель бережно уложил свое снаряжение в дорожную сумку из мягкой замши.

Слуга же не спешил выполнять приказания своего воспитанника – первым делом он поспешил к барону Александру. Тот, осунувшийся и бледный от бессонной ночи, выслушал Жака, устало закрыв ладонью глаза, и только рукой махнул:

– Пусть убирается куда угодно и делает что хочет, лишь бы не в моем доме. Отправишься вместе с ним. Я дам тебе денег, но не смей отдавать их Мишелю – он в мгновение ока расстанется с ними в ближайшем трактире, я уж его знаю... Будешь присматривать за ним, хотя бесполезно... В случае чего – привезешь тело или что там от него останется... Все, иди, собирайся.

Старому слуге показалось, будто мир в одну проклятую ночь полетел в преисподнюю. Отец отпускает старшего сына куда глаза глядят, да еще напутствие дает – привезти останки! Все сошли с ума!

Когда Жак покинул покои барона Александра, тот, стараясь сохранять спокойствие, подошел к столу и сел, намереваясь вернуться к хозяйственным подсчетам. Некоторое время он рассеянно покачивал пальцами перо над скрутившимся свитком, и вдруг, перехватив стержень обеими руками, переломил и отшвырнул обломки.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАЧАЛО ПУТИ

*Мне для своей довольно правоты,
Чтобы мою все признавали веру,
Но коль дурному следую примеру,
Во скорби смерть пошли мне, Боже, Ты.
Мне на пути довольно прямоты,
В неведомом искать не стану меру,
Но я не уподоблюсь ли неверу
И грешнику во мраке суеты?*

Пейре де Бонифашиис³

– Куда же вы едете? – нудил Жак, тщетно пытаясь вытянуть хоть слово из Мишеля. – Я же не могу так, ехать неизвестно куда, неизвестно зачем! И где мы только будем сегодня ночевать, что есть?..

– Вообще спать не будем. И есть тоже – Великий Пост на дворе! – огрызнулся Мишель, которому надоели причитания слуги, отвлекавшие его от выбора пути. Для начала нужно, несомненно, отправиться к крестному, ведь он у него в оруженосцах состоит. Да и зовет сир Рауль его к себе уже давно.

– Вот встречу рыцаря на дороге – сразу на поединок вызову! – неожиданно для самого себя вслух воскликнул Мишель.

Жак чуть не упал с лошади от испуга и удивления, но ничего не сказал. Известное дело, у молодого хозяина в голове ветер дует, поединки... А все он, Виглаф, только и знал, что с малолетства мальчишке рассказывал про войны да разбои, а попробуй ему слово поперек скажи – так глянет, что впору к священнику бежать за причастием! Куда только барон Александр смотрел! Упустили вот первенца, теперь не перевоспитаешь – хорошо если пальца или глаза в схватке лишится, а то ведь могут и голову отхватить. Что ж, голову отдельно от тела обратно везти? Барон строго наказал – в любом виде, что останется, все домой привезти, дабы достойно останки упокоить в фамильной усыпальнице...

Жак и не заметил, как уже давно утирает рукавом слезы, безвременно пролившиеся по несчастной судьбе молодого хозяина.

Дождь, начавший моросить, едва только Мишель с Жаком покинули окрестности Фармера, тихо иссяк, но двигавшиеся по лесной дороге путники не заметили этого: ветви деревьев то и дело осыпали их каплями воды. Тропа, достаточно широкая, чтобы по ней могла проехать большая крестьянская телега, была густо усыпана прошлогодней листвой, сейчас превратившейся в бурое месиво, жирно чавкающее под лошадиными копытами. Потемневшие от сырости деревья протягивали к обложенному плотными серыми тучами небу черные ветки, словно моля его о солнечном тепле.

Мишель рассеянно глядел по сторонам и вдруг заметил узкую пешую тропку, уходившую вглубь леса от основной дороги. И сразу созрело решение, заметно облегчившее душу, – надо непременно заехать к отцу Фелоту. Исповедь – исповедью, но ведь он еще и добрый совет сможет дать. Да и на ночь у него можно будет остаться, а завтра, бог даст, распогодится.

---

³ Перевод А. Г. Наймана

Но истинная причина такого решения была иная. Начавшееся путешествие все еще казалось недалекой прогулкой, как в соседний фьеф на именины, или вместе с отцом объехать уголья. Но постепенно крепла мысль, что в этот раз возвращение будет нескоро, если вообще случится, и события грядут посерьезнее, чем турнир или скучное светское времяпрепровождение. Как не пытался Мишель отгонять эти мысли подальше и на потом, занимая себя пустопорожними размышлениями, постепенно крепло осознание чего-то непоправимого, необратимого, и от того страшного и тоскливого. Потому и пришла по душе мысль об отсрочке окончательной разлуки со всем родным, знакомым с детства.

Мишель резко дернул повод, заставив лошадь сойти с дороги на едва приметную тропку.

– Куда? – испуганно вскрикнул Жак.

– К отцу Фелоту, – коротко ответил Мишель.

* * *

Мишель не мог, конечно, помнить дня собственного крещения, но отец Фелот помнил эти крестины, пожалуй, лучше, чем сотни других.

В новой деревне госпитов Сен-Рикье, которая располагалась на границе владений барона де Фармер и его ближайшего соседа барона де Бреаль, участвовавших на равных в ее обустройстве, была своя церковь и свой священник, – последние лет пять там служил молодой отец Дамиан, имя предыдущего настоятеля церкви св. Томаса отец Фелот припоминал с трудом, много их тут сменилось за четыре десятка лет, которые святой отшельник прожил в своей лесной келье. Мало кто знал, как и отчего он решил поселиться именно здесь, а сам отец Фелот об этом особо не распространялся – некие деяния бурной молодости монаха плохо сочетались с его нынешней репутацией святого. Старожилы говорили, что привез его отец барона Александра барон Фридрих де Фармер, а откуда и зачем – забыли, отец Фелот, опять же, не воскрещал из забвения минувшее. Впрочем, кому какое дело до прошлого лесного отшельника, когда в течение многих лет он вполне заслужил доброе отношение селян и почитание хозяев близлежащих фьефов, два поколения которых выросли у него на глазах и не без его активного участия.

Если к отцу Дамиану ходили только на воскресные мессы и по разным мелким надобностям, вроде обычного у крестьян спора о потраве посевов скотом да у чьей телеги кобыла ожеребилась, то к отцу Фелоту бегали по всем остальным поводам, будь то крещение младенца (особенно прижитого во грехе), непонятная хворь или любая другая личная беда. Так что держал в памяти святой отшельник всех крещеных им детей, знал их отцов, даже когда сами они своими отпрысками не интересовались, помнил поименно почти каждого из местных и хранил тайны многих исповедей.

С обитателями замка Фармер у отца Фелота были особые отношения. Часто захаживая в замковую церковь, отшельник медленно, но верно выжил, одного за другим, всех капелланов и стал сам творить богослужение, а регулярные прогулки в замок и обратно, как он любил говорить, шли на пользу его без того крепкому здоровью. Только ему доверяли трудные роды у матери Мишеля, баронессы Юлианы. Отец Фелот крестил всех четверых ее детей – старшего Мишеля, дочь Маргариту, среднего Робера и маленького Эдмона.

Отец Фелот хорошо помнил радость, царившую в замке, когда родился первенец – наследник, которому достанется все богатство и слава рода Фармер. На крестины собрались знатные гости из соседних фьефов, в замок пригласили отца Фелота, тогда еще не служившего мессы в замковой капелле. Капеллан оскорбился до глубины души тем, что такое важное дело было поручено полудикому лесному отшельнику и покинул замок, не дожидаясь начала церемонии. Отец Фелот освятил заранее приготовленную купель. Пока младенец лежал на коленях у баронессы Юлианы, которая, еще не оправившись от тяжелых долгих родов, была слаба

и полусидела в широком кресле, обложенная волчьими шкурами, все шло, как положено – торжественно, строго и со сдержанной радостью. Но едва Мишеля передали из рук матери отцу Фелоту, зал тотчас же огласился плачем да таким громким, что под окнами залились неистовым лаем гончие, прибывшие вместе со своими хозяевами на охоту, которая должна была состояться после крестин. Поначалу благородные сеньоры добродушно посмеивались, кивая счастливому, но немного смущенному отцу, дескать, добрый получится рыцарь из эдакого крикуна, дамы умильно улыбались белой, как мел, матери, которой отчаянный плач ребенка как ножом резал по сердцу. Но когда младенец умудрился опрокинуть купель, облив с ног до головы святой водой отца Фелота, а, заодно, окропив ею и гостей, последним уже было нелегко держать на лице улыбки. Если учесть, что к безысходно воющим собакам присоединились разревевшиеся дворовые дети, то светлое и важное событие превратилось в сплошной кошмар для всех – младенца, едва не захлебнувшегося в купели, священника, облитого с ног до головы святой водой, родителей, сгоравших со стыда, и гостей, едва не оглохших и оскорбленных в душе. А когда все кончилось, и Мишеля вернули, наконец-то, матери, он тут же замолчал...

– Вот ты тут смеешься, а мне потом через весь лес пришлось идти промокшим, да еще в твоём... – ворчал отец Фелот, недовольно глядя, как Мишель, уронив голову на руки, трясется от беззвучного смеха, ибо смеяться вслух сил уже не осталось. – Лучше бы я тебе и не рассказывал, неблагодарный! – стукнув пустой кружкой по столу, святой отец резко поднялся из-за стола, опрокинув скамью, и вышел из своей землянки.

Прошло уже порядочно времени с тех пор, как Мишель и Жак подъехали к земляному домику, торчавшему как низенький пухлый гриб между деревьев, и отец Фелот с радостью принял их, мгновенно усадив за стол и выставив бочонок с элем. Одного только взгляда на хмурое и испуганное выражение лица «Фармера-старшего из младших», как величал его отшельник, было достаточно, чтобы догадаться – беспокойно и безрадостно сейчас на душе юноши, и воистину его святая обязанность освободить страждущую душу от смятения. Свообразным способом, но интуиция еще никогда не обманывала святого отца, отлично знавшего, что одной молитвой да причащением сыт не будешь. Вот и старался он веселыми воспоминаниями отогнать грустные мысли, отвлечь от тоски. Перестарался на свою грешную голову, – мальчишка совсем уважение к святому потерял, выпил две кружки эля и ржет, как жеребец...

Пока отец Фелот сердито гремел чем-то в погребке, Жак поставил на место скамью и укоризненно посмотрел на Мишеля, приподнявшего голову и утиравшего слезы.

– Нехорошо, ваша милость, зачем же так смеяться?

– А тебе разве не смешно? – всхлипнул Мишель и оглянулся на отца Фелота, который вошел с караваем хлеба и куском сыра в руках, все так же продолжая злиться, правда, больше уже для порядка – ну, что с юнца желторотого возьмешь, к тому же, по совести, и в самом деле веселенькое крещенье получилось!

– Простите, святой отец, я не хотел вас обидеть, честное слово! И тогда тоже! – добавил он, снова прыснув со смеху.

– Ладно, ладно, – пробурчал отец Фелот, пряча в клочковатую бороду улыбку. – На-ка лучше, закусывай.

Мишель с удовольствием накинулся на кушанье. Отец Фелот, отбросив веселость, серьезно посматривал то на баронета, уплетавшего за обе щеки желтый ноздреватый сыр с хлебом и прихлебывающего эль из деревянной кружки, то на Жака, который не сводил глаз с баронета и, казалось, готов был расплакаться старческими, легко отзывающимися слезами – изголодался-то как ребенок, ведь даже не позавтракал как следует с утра, а все из-за упрямства! Наконец, он нарушил установившееся молчание:

– Что ж, дети мои, выкладывайте, что все это значит. Куда собрались, почему плачем, что случилось?

Мишель едва не подавился, с трудом проглотил кусок и, быстро глянув на отца Фелота, уставился на нетесанные доски стола.

– Я решил уйти, – выдавил он, наконец, и вдруг с отчаянием осознал, как нелепо это звучит. Почему уйти, куда? Его били, истязали, держали взаперти? С чего ему бросать отца, сестру и братьев, родной замок? Зачем идти наперекор от века установленным обычаям и правилам бытия? Ну, повздорили, наговорили друг другу всяких обидных гадостей, так ведь сколько раз уже подобное повторялось! С ужасом Мишель наблюдал, как растворились в щенячем страхе покинуть теплое гнездо все прекрасные, гордые, рыцарственные намерения, которые этим утром легли на пергамент замечательными словами под заунывное воркование горлиц и посапывание любимого пса Сала. Воспоминание о собаке окончательно расстроило Мишеля, и он спрятал лицо в ладонях. Пес выбежал за ворота и недвусмысленно пристроился рядом с лошастью Мишеля, твердо намереваясь и в этот раз сопутствовать хозяину. Ведь сколько раз, бывало, они вдвоем выбирались в лес, там Мишель стреноживал лошадь и подолгу бродил по лесной чаще, тогда как Сал весело носился, гоняя по кустам птиц. Как он любил неожиданно выныривать из кустов и серым вихрем проноситься совсем рядом, заставляя хозяина шарахаться в сторону! Теперь Сал тоже решил, что предстоит очередная веселая возня в лесу, и долго не хотел понимать, почему же хозяин приказывает ему «Домой!», машет на него руками и сердится. Когда же Мишель спешил, нагнулся, вырвал с обочины клочок пожухлой травы с землей и швырнул в собаку, Сал, отклонив голову от мокрого комка, совершенно растерялся, уселся прямо на дороге, да так и остался сидеть неподвижно, приподняв вислые уши и неотрывно глядя вслед хозяину, который вновь вскочил в седло и поехал дальше, ни разу не обернувшись и не позвав его. Неужели он так и сидит там под вновь зарядившим дождем?

– Да вот, решили, – пришел на выручку Мишелю Жак. – С отцом они вчера повздорили, тот и скажи ему в сердцах: «Убирайся из моего дома!». А все Виглаф, все он! Говорил же я, плохому он вас научит, плохому!

– Да причем тут Виглаф! – вскинулся Мишель, с озлоблением оттерев ладонью слезы. – У меня своя голова на плечах есть!

– Причем, причем, – продолжал гнуть свое Жак. – И не спорьте со мной, ваша милость! Он забил вам голову этими своими сагами про всяких там разбойников да пиратов, а вы и уши развесили. Нет, чтоб у отца хозяйству поучиться, ведь вам же фьефом управлять!

– Да отстань ты со своим фьефом! – Мишель вскочил, едва не опрокинув стол и, не обратив внимания на упреждающий окрик отца Фелота, раздраженно заходил по землянке. – Все твердят одно и то же, все до единого! А мне надоело! Надоело! Не хочу гнить заживо в этом вашем замке, ну, не для этого же я родился! Не для этого, черт подери!

Он ожесточенно пнул корзинку, подвернувшуюся под ноги, и лежавшие в ней луковицы брызнули в разные стороны. Мишель с силой наступил на одну из золотистых головок, – с глухим хрустом луковица треснула, стрельнув струйками сока.

– Ваша милость, что вы, ну зачем же так? – Жак вскочил, испуганно замахав руками, он был бы рад теперь забрать свои слова обратно, только бы не видеть бедного мальчика в таком отчаянии. – Ну, простите меня, дурака старого!

– Жак, сядь, посиди, – спокойно сказал отец Фелот. – А ты, Мишель, продолжай, мы тебя внимательно слушаем.

Мишель, казалось, не заметил чуть насмешливой интонации в его голосе.

– А я и не намерен заканчивать. Все скажу, все! – выместив кипевшую злобу на луковице, Мишель успокоился и смог сесть на лавку у стены, напротив стола. – Да, Виглаф много рассказывал мне про викингов, про те времена, когда они жили войнами, открытиями и захватами. Да, я хочу быть похожим на них, на своих предков, сумевших покорить своей воле немало могучих держав! Ты, Жак, не любишь Виглафа, потому что боишься, этот страх в твоей франкской крови. Ты думаешь только, что норманны – безудержные захватчики, варвары, жестокие

дикари. И не все меня безоглядно восхищает в их истории. Да, представь себе! Но я хочу сохранить в себе храбрость, чувство справедливости, честность, достоинство, чистоту помыслов – вот о чем говорил мне Виглаф! Вот образец рыцарства!

Мишель остановился, перевел дух и замолк, глядя на раздавленную луковицу.

– Ничего я не так... ничего не думаю... – пробормотал Жак, которому сейчас больше всего хотелось провалиться сквозь землю. Отец Фелот же сохранял прежнюю невозмутимость, и когда молчание Мишеля слишком уж затянулось, произнес:

– Ну, что же ты молчишь?

– Я хочу получить рыцарский пояс... – медленно проговорил Мишель.

– Получишь, – уверенно кивнул отец Фелот. – Всему свое время. Подожди и...

– А я не хочу ждать, – снова начал распалиться Мишель. – Не хочу, чтобы приехал из соседнего фьефа папин приятель, постучал мне мечом по плечу, а потом мы бы на охоту закатились на радостях.

– Все сыновья баронов так посвящаются, – пожал плечами отец Фелот. – Ты же не бастард какой-нибудь! Наследник, надежда и опора рода. Чем тебе не угодил прекрасный древний обычай, раз уж ты так за былые времена держишься?

– Да плевать мне на баронских сынков! – Мишель ткнул расплюснутую луковую головку и отшвырнул ее в сторону. – Я хочу делами заслужить право носить рыцарское звание! Я ушел из дому, чтобы совершить множество славных подвигов, чтобы не быть похожим на этих сытых баронетов, могущих только кабанов по лесу гонять! В конце концов, хочу изменить мир!

– А чем он тебе не нравится? – улыбнулся отец Фелот, изобразив на лице искреннее непонимание. – И не много ли ты на себя берешь, дитя мое?

– Ровно столько, сколько унесу! – огрызнулся Мишель. – Все стало какое-то... подлое, мелкое, гнусное! За глаза плетут напраслину на человека, и все сходит с рук. А попробуй пропустить какой-нибудь титул, или обратиться не должным образом, или не к тому, или там... да к черту все эти куртуазности! Из-за пропущенного в имени одного из владений – поединки! Надоело все это!

– Неужто ты думаешь, что Фармер и окрестные фьефы – средоточие мировых событий? – усмехнулся отец Фелот. – И твои пресловутые баронские сынки, кичащиеся своими владениями – слепок со всего рыцарства?

– Нет, не думаю. Вот и хочу посмотреть, удостовериться, что это не так. Если остались еще настоящие доблестные герои, то примкну к ним, сначала оруженосцем, а потом добьюсь – сам добьюсь! – рыцарского сана. Или в Заморье отправлюсь, и там делом святым подтвердню... подтверждаю... да тьфу ты!.. докажу, что достоин быть рыцарем!

Опять воцарилась тишина, которую нарушало только невнятное горестное бормотание Жака. Отец Фелот встал из-за стола, подошел к Мишелю, сел рядом с ним.

– Все это замечательно, сын мой, – сказал он, похлопав Мишеля по руке, вцепившейся в скамью. – Но мне кажется, будто ты что-то не договариваешь, чуточку кривишь душой. Хочешь, скажу в чем?

Мишель промолчал, и отец Фелот, приняв его молчание как знак согласия, заговорил:

– Понимаешь, Мишель, ты видишь в своих поступках только то, что хочешь видеть. Тебе хочется думать, будто уходишь из дому с высокими помыслами, а на самом деле все немножко иначе.

– Неправда! Я не лгал себе, когда решил стать странствующим оруженосцем и добиться рыцарского звания подвигами! А для начала собираюсь поехать к Раулю де Небур, он давно уже зовет меня к себе, – Мишель развернулся, отодвигаясь от монаха и даже привстал, но святой отец мягким, но решительным жестом усадил его обратно.

– Верю, верю тебе, и знаю, что это так. Я ли не растил тебя с рождения! Но есть еще одна причина, и движет она не только тобой, а всеми молодыми людьми твоего возраста. Мне

тоже когда-то было шестнадцать лет, хотя в это трудно поверить, и творилось со мной нечто подобное. Это – желание быть свободным. Всегда наступает момент, когда мальчик хочет стать мужчиной, а близкие все еще хотят видеть в нем ребенка, потому что боятся раньше времени потерять его.

Мишель поднял глаза на отца Фелота и с усмешкой сказал:

– Если ты о свободе, то мне она предоставлена полностью! Отец ведь давно отказался присматривать за мной, поняв, что это бесполезно – я все равно буду делать все по-своему. Что же касается мужчины, то я, хм, уже давно не мальчик!

Отец Фелот, неожиданно придя в ярость, отвесил Мишелю ощутимый подзатыльник и прикрикнул, не обращая внимания на заохавшего Жака:

– Да уж мне известно, что ты полдеревни обрюхатил! Сопляк эдакий! Я, кажется, начинаю догадываться, что за ссора вышла у тебя с отцом. Небось, поймал барон Александр тебя на сеновале с девчонкой да отхлестал хворостиной, а ты, взрослый наш, разобиделся. Как же, свободы лишают! Знаю я, зачем ты из дому подался – чтоб отцу на глаза не показываться, по трактирам да бабам шляться беспрепятственно! Странствующий оруженосец, черт тебя раздери, – отшельник три раза истово перекрестился, – прости Господи!

Монах замолчал, отвернувшись. Мишель обиженно засопел и уставился в противоположную стену. Но долго дуться он не мог, ведь, как не обидно, как не оскорбительно звучали слова отца Фелота, толика правды в них была, и Мишелю, не привыкшему лукавить самому себе, пришлось признать их справедливость.

Только теперь Мишель понял, что сам толком не знает, почему ушел. Как сшитые не по размеру костюмы, он примерял к себе то одну, то другую причину, и никакую не мог подогнать так, чтобы она полностью скрыла все недоговоренности, недомыслия. И он не знал, как поступить: нацепить все сразу, или остаться обнаженным, таким как есть – со множеством сомнений и вопросов к самому себе.

– Пройдусь немного... – буркнул Мишель и вышел наружу, в промозглую морось. Стоявшие под навесом лошади встрепенулись и посмотрели в его сторону, фыркая и прядая ушами. Фатима узнала хозяина, потянула к нему изящную голову, раздувая большие тонкие ноздри и шумно втягивая воздух в поисках угощения. Мишель провел ладонью по лоснящейся шее лошади, потом подошел к дорожному мешку, лежащему поверх снятого седла, вынул из него меховой плащ и накинул на плечи.

«...Так хорошо было бы жить, вот, как это дерево, например – ни о чем не думать, ничего не чувствовать, ничем не заботиться, а просто тянуться вверх, к солнцу, растить зеленые листья, распускать по весне душистые цветки и крепко спать под зимними дождями. Или родиться птицей, и знать более простые и понятные вещи – когда вить гнездо, какие ягоды съедобны, как растить птенцов, когда улетать на юг.

Нет, так нельзя. Бог сотворил меня человеком, и негоже сожалеть о чужой жизни, пусть безгрешной и не знающей душевных страданий...»

Единственное, чем можно помочь себе – это исповедь. Выговорить все, разложить перед мудрым взором отшельника все сомнения, желания, помыслы и обиды. Только так...»

Позади послышалось чавканье грязи, и отец Фелот, будто отозвавшись на мысленный зов Мишеля, поравнялся с ним и некоторое время молча брел рядом.

– Исповедаться я хочу, святой отец, – проговорил, наконец, юноша и искоса глянул в лицо отшельнику – не сердится ли он все еще.

– Я готов выслушать тебя, сын мой, – заученным тоном произнес святой отшельник и добавил более ласково: – Говори, не бойся, все говори, что на душе камнем лежит.

Мельчайшая холодная изморось то и дело сменялась лениво накрапывающим дождем, из-под подошв сквозь слой опавших и сгнивших за зиму листьев мутной пеной проступала

влага; носки кожаных сапог Мишеля потемнели, промокнув насквозь, но он не обращал на это внимания, равно как и на подбирающийся под меховой плащ сырой холод.

– Святой отец, я грешен, – начал Мишель.

– Я тоже, – поддакнул ему отец Фелот. – Кто ж не грешен-то? И в чем же грехи твои, сын мой?

Мишель некоторое время сосредоточенно тер переносицу, будто вспоминая и выстраивая по степени значимости свои немалые прегрешения, а потом скороговоркой выпалил:

– Я упоминал имя Господа напрасно, не посвящал отведенного времени Господу, не почитал отца своего, э-э... никого вроде пока не убил, премного прелюбодействовал, красть... ну, крал, да; лгал, желал чужого имущества... Вроде все.

– Ну что ж, давай по порядку, – помолчав, ответил отец Фелот. – Ты говоришь, упоминал имя Господа напрасно... Использовал ли ты Имя Божие в поддержку неправого дела?

– Да нет, я просто, бездумно упоминал имя Господа нашего Иисуса Христа.

– Отпускаю тебе грех сей, ибо не так он велик, и Бог в великой милости своей искупил грехи наши кровью своей... Поехали дальше. Ты считаешь большим грехом, то что не был у святой мессы каждый раз, когда она служилась?

– Да, но...

– Не перебивай, сын мой! – отец Фелот предупредительно поднял ладонь. – Важно лишь то, сколько времени ты посвящаешь Господу в душе своей. Скажи-ка мне, молишься ли ты утром, вечером и перед едой?

– Стараюсь... – вздохнул Мишель.

– Вот и старайся! Ибо только старанием своим сделаешь благие дела! Что там у тебя было далее? Четвертая заповедь? Ты считаешь, что недостаточно почитаешь своего отца? Ну, тут уж я ничего не могу исправить, – монах развел руки в стороны, – дам только совет добрый – почаще вспоминай об отце, молись о нем, раз уж решил уйти не прощаясь. Отпускаю тебе и этот грех. Прелюбодейство? Ты грешил с женой ближнего своего?

– С/девицами деревенскими...

– Да они и сами горазды пойти с тобой на сеновал! Проводил я с ними душеспасительные беседы и не раз, да все без толку. Меру надо знать, конечно, но кто же по молодости и не согрешил? Брал ли ты гм... девиц силой или подкупом? Нет! Или ты считаешь, что Господу больше нечего делать, как подсматривать за твоими ночными забавами, а потом этим же и оскорбляться?

– Как можно, святой отец, рассуждать о промысле Божиим, да еще в таких выражениях?

– Мне – можно! – уверенно заявил отец Фелот и, назидательно потрясая указательным пальцем, продолжил. – Воровал, говоришь? Это ты про кур да гусей? Ну барон Александр за все заплатил, и я тебя хорошенько отчитал да епитимью наложил... не помню, какую. Красть – это, конечно, грех, в твоем случае – безусловный, но разве не стал бы ты красть, если бы твои дети голодали? Что бы ты предпочел: уморить безвинных младенцев голодом или запятнать душу свою грехом воровства? Впрочем, тебе, нужды никогда не знавшему и не видевшему, это понять трудно... Тем больше чести, если поймешь.

– Ка... какие младенцы? – недоуменно переспросил Мишель, окончательно сбитый с толку. – Не было у нас никаких младенцев! Мы в сарацинов играли, ну, то есть в крестоносцев, а младенцев у нас не было, все мои ровесники!

– Не было – будут! – рявкнул святой отец. – Уже есть, вон ко мне девки бегают с кулками ревущими – крестите, мол, во грехе прижитого, а глянешь: глаза синие да чуб белобрый – твоя рожа, один к одному! Теперь помогай им всем... тут... А ты смотри, ежели какая дуреха к тебе за помощью обратится – не отказывай. С отца пример бери – вон у него Эмери в сокольничих ходит, нужды ни в чем не знает, как сыр в масле катается. Ладно, оставим все это на вашей баронской совести... Теперь о лжи. Как звучит восьмая заповедь, ну-ка?

– «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего», – заученно произнес Мишель.

– Разве ты предавал ближнего своего, клеветал на кого, распространял о ком худую молву? Нрав у тебя, конечно, заслуживает сурового перевоспитания, но на такое, я уверен, ты не способен. Или я никогда не был твоим духовным наставником. А если кто злой, враг, например, станет спрашивать у тебя тайны твоего войска, скажешь ему?

– И не подумаю, еще чего! – возмутился Мишель и обиженно посмотрел на отца Фелота: это ж надо такое о нем возомнить!

– А если я стану у тебя выведывать что дурное о братьях или о сестре твоей. Ты мне скажешь? Ведь все сказанное я обращаю только к добру!

– Не знаю... н-нет, пожалуй.

– Правильно. Так сможешь ли ты всегда и везде говорить только правду, и ничего кроме правды?

– Придется иногда лгать... – сокрушенно согласился Мишель.

– Мальчик мой, ты еще слишком молод и не знаешь, что всегда говорит правду только святой или изверг! Правду, всегда правду, не думая, что могут пострадать безвинные души! По совести-то сказать, и ото лжи они страдают немало... Ну хорошо. Желал ли ты дома ближнего твоего, или жены ближнего твоего, или чего другого, что у него есть.

– Нууу... – протянул Мишель, – если так вопрос ставить...

– Ладно, поставлю по-другому, – отец Фелот замедлил шаг и неожиданно сказал: – Не любишь маленького Эдмона?

Мишель тоже приостановился и, опустив глаза, молчал.

Медленно опускались сумерки, казалось, что деревья стягивают над головой черные ветки, плотной сетью укрывая небо. Над землей стлался промозглый холод, поднимаясь волнами и дыша в лицо сыростью.

Отшельник продолжал:

– Ты, конечно, не помнишь, как много внимания уделяли тебе все, когда ты был в его возрасте. Больше скажу, ты стоишь счастливее его, потому что у тебя была мать.

– Он не терял ее, – процедил Мишель. – Он даже не знает, что она существовала и отдала свою жизнь ему.

– Опять за старое! – в сердцах воскликнул отец Фелот и хлопнул себя ладонью по бедру. – Бог дал – Бог взял, и не тебе его судить, а станешь винить людей, которые ни в чем не виноваты, вот и будет тебе настоящий грех, не в пример той ерунде, о которой ты мне сегодня поведал. Пути Господни неисповедимы, – отец Фелот воздел палец в излюбленном жесте и яростно потряс им. – Все, что ни делается – делается к лучшему, хоть тебе, да и мне, сейчас этого не понять. Если Господу нужно было забрать баронессу Юлиану к себе, значит, так было лучше для нее, и для общего блага! Твои фантазии о том, что мать отдала жизнь Эдмону – языческий бред, детский лепет! Грех винить в смерти матери невинного младенца!

Отец Фелот резко оборвал свою пламенную речь, и в неожиданно воцарившейся тишине стали слышны негромкие лесные звуки – щелчки падающих капель, сухой шорох ветвей, редкое птичье попискивание. Мишель стоял, запрокинув голову, и рассматривал проглянувшие в разрывах облаков звезды.

– Холодно уже, пора домой, спать, – проворчал отшельник. При слове «домой» Мишель вздрогнул, как будто его ударили. Нет теперь у него дома. Небо – неприветливо дождливое или чистое и голубое, лес – вечно шепчущий о чем-то древнем и неизведанном, дорога – разбитая колесами телег и лошадиными копытами, или заботливо вымощенная камнем, деревом – вот все, что будет его домом. А может быть, домом станет скалистая пустыня Святой земли, и красная земля навеки упокоит изрубленное тело погибшего в праведной войне с неверными за Святыни Господни странствующего оруженосца баронета Мишеля де Фармер...

– Пошли, – Мишель оборвал свои слишком далеко зашедшие фантазии и быстрым шагом направился обратно, к лесной хижине отшельника.

* * *

В открытом очаге трещали сухие поленья, дыма они почти не давали, но наполняли всю землянку приятным теплом, а терпкий аромат смоляных масел перебивал спертый дух дома, не знавшего сквозняков – окон в хижине отца Фелота не было. На ближнем к очагу конце длинной и широкой лавки, застеленной облезлыми волчьими и медвежьими шкурами, крепко спал Мишель, закутавшись в меховой плащ и отвернувшись к бревенчатой стене. Перед сном отец Фелот дал ему выпить горьковатый отвар пустырника, и теперь под успокоительным действием целебной травы да после нелегкого дня Мишель спал, как убитый, и не слышал тихого, неспешного разговора, который вели между собой Жак и отец Фелот, сидя за огромным, кривым столом. Отец Фелот потягивал эль из любимой деревянной кружки, сделанной в виде бочонка с золотыми, потемневшими от времени обручами – подарок барона Фридриха де Фармера, а Жак прихлебывал маленькими глотками горячий травяной отвар: от переживаний у него разболелось сердце, и он попросил заварить ему каких-нибудь лечебных травок, благо этого добра у отшельника имелось предостаточно – стены жилища были увешаны сухими пучками, гроздьями сморщенных ягод и перевязанными пенькой корешками.

– Нет, я никак не могу уразуметь, – горестно вздыхая, говорил Жак. – Ну, что ему дома не сиделось? Барон Александр ведь не держал его взаперти, глаза, можно сказать, закрывал на все его безобразия...

– Напрасно, – вставил отец Фелот. – Такого оболтуса только на цепи и держать.

– Такой умный мальчик, все книжки прочел, что у барона Александра были, и сам сочинял – бывало, зайду в его комнату к обеду звать, а он сидит со своей восковой табличкой и пишет что-то, пишет...

– Так уж он и сидел монахом-крючкомвором все дни... – усмехнулся отшельник, кивнув головой на сладко посапывающий предмет разговора. – Знаю уж, не понаслышке о том, как Мишель время проводит, когда не ест и спит. Прослыл драчуном и задирой на весь фьеф, да и окрестные тоже... Вот хоть возьми отряд его «рыцарский»: это ж надо было додуматься собрать самых отпетых деревенских лентяев, посвятить их всех в рыцари, себя назначить сюзереном и безобразия всякие чинить. Один раз возвращаюсь лесом из деревни, а они сидят возле костров, мечи вокруг деревянные валяются, плащи из бабьих тряпок, занавесок каких-то. Нашто сокол, ясное дело, как положено одет, отцовский шлем старый, меч, кольчугу позаимствовал. Сидят, значит, и гуся на костре жарят. Краденого. У сарацинов, дескать, отбили обоз с провиантом... Разбойники! С окраинных домов стянули, перепугали всех насмерть, одна девка подумала, что конец света настал... Только меня увидели – врассыпную, один «сюзерен» остался, стоит, грех свой прикрывает... Гуся, имею в виду... Ну, я ему объяснял уж, объяснял, что рыцари и добрые христиане так не поступают, да не знаю, был ли толк. Уж не говоря о том, что негоже благородному с простолюдинами дружбу водить. Ну и что же – послонялся немного по замку, да и по бабам поскакал...

– Да, а сегодня вот обещал первого встречного рыцаря на поединок вызвать, – пожаловался Жак в подтверждение словам святого отца.

– Ничего страшного, – отмахнулся тот, – убивать его никто не станет, разве что украсят парой-тройкой шрамов девкам на радость. Они его любят, – ухмыльнулся монах, а Жак только досадливо рукой махнул. – Ничего, пусть по свету помотается, ума-разума наберется, опыт получит, а там, может быть, и к делу какому прибьется. Не все ж ему с деревенскими бездельниками по лесам таскаться – в крестоносцев они играют, хе! – да с девками на сеновалах кувыркаться. Раз уж не сидится ему на одном месте, пусть с пользой гуляет.

– Так-то оно так, да вот не кончатся ли для Мишеля эти странствия склепом семейным... – медленно проговорил Жак и отхлебнул пахнущий мятой отвар.

– На все Божья воля, – развел руками отец Фелот. – А нам остается только молиться. Ты уж присматривай за ним, особо не давай распускаться.

– Да разве ж будет он меня слушать? – воскликнул Жак и тут же покосился на лавку – не разбудил ли Мишеля. – Кто я такой? Слуга и все. Ежели он отца родного не слушается, что уж про меня говорить... Вся надежда на сира Рауля, может быть, он придержит его при себе да вразумит.

Оба старика помолчали немного, задумавшись каждый о своем. Отец Фелот встал, подлил себе эля, предложил Жаку еще отвара, но тот отказался – целебные травы возымели действие, и старый слуга чувствовал себя намного лучше. Вернувшись на свое место, отшельник некоторое время сосредоточенно глядел в свою кружку-бочонок, потом, вздохнув, сказал:

– Весна наступила...

– Да, пришла вот, – отозвался Жак. – Правда, дожди все идут... У меня от этой сырости все косточки разболелись, колени так и крутит. А тут еще ночевать не известно где придется...

– Я тебе мазь одну дам, будешь натирать ноги и прочие места больные. А если придется на земле ночевать – укрывайся потеплее, особенно спину. У меня тоже к плохой погоде косточки болеть начинают. Стареем...

Странный осторожный шорох неожиданно раздался в темном углу хижины, куда не доходил свет из очага и от зажженных свечей перед алтарем, который отец Фелот сделал своими руками – на залитой воском полочке лежало переписанное собственноручно Святое писание, и стояли перед распятием раскрашенные фигурки святых, тоже самодельные. Монах недовольно поморщился, схватил лежащую на столе ветошь и швырнул ее в угол. Из-за горы грязной посуды, сваленной там, послышалось недовольное урчание.

– Опять домовой буянит, послал его нечистый на мою грешную голову, – пояснил отец Фелот, а Жак, неодобрительно покачав головой, возразил:

– Нельзя так с домовыми. Мы для своего каждую ночь миску с кашей и плошку с молоком ставим в специальном месте. Ведь если не кормить его – озлится, воровать, чудить начнет – лошадей перепугает до колик, детям сны страшные навевает, куры нестись перестанут. А если с ним по-доброму, то он пользу приносить станет.

– Язычество все это, – мрачно определил монах. – Ты еще скажи, что богомерзким ложным божествам жертвы надо приносить, а то, мол, они рассердятся. Эпона лошадей уведет... – отец Фелот презрительно фыркнул. – А что, в деревнях кое-кто так и поступает – всю неделю языческих богов задабривает, а потом в воскресенье в церковь бежит, так и так, святой отец, отпусти грехи немалые...

– Не скажи, святой отец, совсем разные вещи это. Идолам поклоняться – грех, а полезную животину прикормить – благое дело. Вот где кошек повывели, так крысы завелись, и мыши, а домовой, он что кошка – дикий, а пользу приносит.

– И кошки твои – дьявольское отродье, особенно черные и белые. Только ведьмы с ними и водятся, а другой раз бывает ведьма и сама в кошку обратится. Знаю я, жила тут ведьма одна в лесу лет с десятков назад, так у нее было девять кошек черных и одна белая. Она черных кошек посылала по деревням за людьми следить да вредить, а белую за черными наблюдать отправляла, вроде соглядатая. Та ей потом докладывала, кто хорошо службу нес, а кто отлынивал – молочко лакал да у очага грелся.

Жак, чуть отодвинувшись в сторону от отшельника, несколько мгновений недоуменно глядел на него, а потом вымолвил:

– Что ж ты, святой отец, такую ересь-то городишь и Бога не боишься? Это где ж такое видано-то...

– Да я своими глазами видел, вот этими, – разгорячившись, отец Фелот ткнул себя двумя пальцами прямо в очи, – как эта стерва в кошку черно-белую обратилась, когда я святым распятием ее перекрестил да экзорцизм молвил!

– Ну да, вертится у нас на кухне одна белая кошка с черными пятнами. Так я от нее худа не видел, а мышей таскает гроздьями, одни хвосты у порога остаются, за день штук шесть, бывало, поймают, а то и больше, – Жак прищурился и, наклонившись к столу, заговорщицки прошептал: – А что, может это она и есть? Когда, говоришь, эта ведьма пропала?

– Да лет десять как... – еще не чуя подвоха, ответил отец Фелот.

– Точно она! – Жак легонько хлопнул ладонью по столу. – Десять лет назад пришла, а раньше в округе никто такой кошки не видал. Здесь все или черные, или серые, полосатые. А черно-белых не было. И живет вон как долго!

Монах лег животом на стол, и приблизил раскрасневшееся и потное лицо к ухмыляющейся физиономии Жака:

– Надо бы ее изловить да испытать. Петлю с камнем на шею привязать, в мешок посадить да в воду кинуть. Ежели всплывет – ясно, ведьма, вешать тогда или на костер, а потонет – значит, невиновна.

Тут Жак не выдержал и рассмеялся, держась рукой за сердце.

– Ну, насмешил святой отец! Образованный человек, современный, христианин, а такую чушь городишь. Уж на что я – простака простаком жизнь прожил, грамоте не обучен, а в ведьм всяких да оборотней не верю. Не много ли ты эля выпил?

– Ну и зря, – отец Фелот был заметно обижен, – про ведьм знать надо. Вот что ты станешь делать, если к тебе кто-нибудь подойдет да клок волос острижет?

– Да ничего не буду. Мало ли у кого какие причуды, а приставать начнет – барону Александру пожалуюсь или бальи...

– Так вот и здоровьем можно поплатиться, и жизнью. Попадут волосы твои, ногти или кровь ведьме, сделает она себе куколку восковую с твоими волосами и давай иголками колоть. А у тебя суставы крутит, сердце колет... А голову игрушке этой отвернет – и конец тебе. Вот так-то, – отец Фелот победно посмотрел на Жака и сделал длинный глоток. – Сильная ведьма так может целую деревню известить. Или вот вампиры...

– Ах, оставь, святой отец, не хочу я такие ужасы на ночь слушать, – запросил Жак, а монах злорадно ухмыльнулся:

– Страшно? Ладно, не буду тебя пугать, помни только, против этого дьявольского отродья одно средство есть – заступничество Святой Матери нашей Церкви. Один станешь с ними бороться – пропадешь.

– Все, все – замахал руками Жак. – Лучше налей-ка мне еще травок твоих чудесных, – и с усмешкой, правда, несколько натянутой, добавил: – Видать, кошечка наша куколку царапает коготками...

Отец Фелот, сияющий от удовольствия – все ж таки подействовало предостережение! – отошел к столу, заваленному посудой, и стал возиться там с котелками. Жак прикрыл глаза и уже начал незаметно подремывать, как вдруг в полусон ворвался оглушительный звон и последовавшая за ним нечестивая брань.

Разбуженный дребезгом упавшего медного котелка Мишель вынырнул из-под плаща, недовольно оглядел хижину, щура глаза от света, и хриплым сонным голосом произнес:

– Сами не спите и мне не даете! А завтра у меня поединок...

* * *

Утро выдалось на удивление ясным и теплым. Проснувшийся ни свет, ни заря Жак, так и не сумевший толком уснуть после ночного разговора со святым отцом, нынче раскатисто хра-

певшим прямо за столом перед недопитой кружкой пива, вышел из дому и с радостью увидел прозрачное синее небо в легких разводах перистых облаков и просвечивающие сквозь ветки солнечные лучи. Разбуженный стуком топора – Жак решил нарубить дров в благодарность отцу Фелоту за кров и ужин, – отшельник, кряхтя и потирая затекшую спину, выбрался на двор, глянул в небо и пробросил:

– Ну, вот, слава Всевышнему – погода наладилась... Глядишь, и весна настоящая наступит.

Мишель, грозившийся с вечера вызвать на битву все рыцарство герцогства Нормандского, немного поостыл и за завтраком к радости Жака подобных намерений не высказывал. Более того, он четко для себя определил, куда собирается направиться в ближайшее время. Для начала – к дядюшке, погостить да осмотреться, а заодно распространить имеющуюся у него репутацию задиры и храбреца не только на ближайшие окрестности, но, желательно, на всю Нормандию, а то и на целое Королевство Английское. Оглашать во всеуслышание свои мысли он не торопился, внушая тем самым Жаку призрачные надежды на спокойное будущее.

– Жак, едем к сиру Раулю. По дороге в Аржантан заедем, – этими словами Мишель и ограничился, посвящая слугу в свои планы ровно настолько, насколько счел необходимым.

Задерживаться дольше у отца Фелота не было смысла, да и сам монах высказал намерение отправиться в какую-то дальнюю деревню, проведать тяжело заболевшего ребенка и утешить его мать. Сборы были коротки, не затянулось и прощание – отец Фелот небрежно и торопливо перекрестил Мишеля и Жака, пробормотал невнятное напутствие и, повернувшись к ним спиной, дал понять, что разговор окончен. Мишель, привыкший к причудам святого, даже и не подумал обидеться на такое обращение, а только мысленно прочитал короткую молитву собственного сочинения и выправил уже зашагавшую куда-то по своим делам лошадь.

Некоторое время путники ехали в молчании, наслаждаясь солнечным теплом, вдыхая грибной аромат опрелой листвы, слушая радостный гомон птиц. Лес будто очнулся от серого сумрака; деревья стояли прямые, вытянувшиеся в напряжении ожидания, расчертив небо тоненькой сеточкой веток – на фоне светло-голубого неба был отчетливо виден каждый отросток, каждая вздувшаяся почка; и все замерло, не двигаясь.

– Странные вещи говорил мне нынешней ночью наш святой отец, – осторожно заговорил Жак.

– На то он и святой... – рассеянно бросил Мишель и тут же добавил, заинтересовавшись: – А что такое?

Жак помялся, покашлял, подбирая слова, и, наконец, тихо сказал:

– Святой должен благие вещи произносить, а он вместо того меня ведьмами да вампирами всю ночь пугал...

Мишель развернулся, посмотрел на смущенного слугу и рассмеялся:

– Отец Фелот человек мудрый, Писание знает лучше меня, тебя и отца Дамиана, вместе взятых.

– Да если бы он Писание цитировал... – крякнул Жак и поерзал в седле. – А то ведь рассказывал, будто видал, как ведьма на его глазах в кошку обратилась, а потом предложил нашу кухонную, ну эту, как ее там девицы кликали... черно-белая такая кошечка... утопить!

– Это еще зачем? – удивился Мишель. – Ну, помню я эту животину – она мышей ловила и в дырку возле стены складывала про запас, наверное, – тут он прыснул со смеху, пригнувшись к лошадиной гриве и с трудом проговорил сквозь хохот: – Я как-то этих мышей в кухарку с помощницами швырнул, то-то визгу было!

– Шуточки эти, милость ваша... – проворчал Жак, не без содрогания припомнив, как стряпуха Эльза – здоровенная рыжеволосая деваха – целый вечер сотрясала кухонные своды проклятиями.

– Так что там святой отец задумал с кошечкой нашей сотворить? – напомнил Мишель.

– Испытать он ее хочет. Видите ли, объявилась она у нас ровно тогда, как та ведьма лесная в кошку превратилась, вот он и задумал утопить ее в мешке. С камнем на шее. Выплывет – ведьма, потонет – невиновна. Где ж это видано, чтобы над полезной животиной так измывались? Глядишь, и до домовых доберется!..

– Домовых трогать не дам, – серьезно сказал Мишель. – Они хорошие, я одного видал еще в детстве, это – на счастье. Еще бы услышать, как они разговаривают...

– Нашему Фелоту дай только волю – он и кошек передушит, и домовых изведет. Нечисть, мол, языческая, а все кошки – ведьмы, – продолжал ворчать Жак.

– Он святой, знает, что делает. Да и в Писании сказано: «Ворожеи не оставляй в живых»⁴. А домовые, может быть, они и вредные бывают, кто их знает...

– Вот-вот, – поддакнул Жак. – У него-то домовый как раз и вредный, станешь тут вредить, если тебя не кормят. А сегодня Фелот так и уснул за столом за кружкой эля, не оставил зверюшке допить.

– Ладно, не нам его судить, – отрезал Мишель.

Тем временем они уже выбрались из леса на руанскую дорогу и двигались в направлении деревни Сен-Рикье и дальше, к развилке на Аржантан и Руан. С одной стороны дороги остался лес, окружавший замок Фармер, с другой, перемежаясь с узкими перелесками, тянулись черные поля. Когда уже показались крытые соломой и дранкой крыши деревенских домов, они проехали мимо трактира «Серебряный Щит» – заезжать туда не было нужды, необходимая провизия на ближайшие дни покоилась в седельных сумках, а эля после вчерашних возлияний пока не хотелось.

Не задерживаясь, Мишель миновал деревню, пропустив мимо ушей робкие увещевания Жака навестить отца Дамиана и посетить полуденную мессу в церкви Святого Томаса – баронет считал, что вчерашней исповеди будет достаточно, и не стоит терять время ради нудной проповеди молодого деревенского священника. Жак остался весьма недоволен и на протяжении последующих двух лье стойчески молчал, хотя Мишель и пытался пару раз завести с ним разговор.

Селение осталось далеко позади, когда Мишель остановил лошадь, соскочил с седла и произнес:

– Эль, кажется, подошел к концу... Сеньоры – направо, слуги – налево!

Потрескивая сухими ветвями кустарника, отгораживающего дорогу от поля, он услышал сдержанный смешок Жака. Тот, видимо, оттаял, оценив каламбур хозяина.

---

⁴ Исход 22, 18

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Я – ВОРОНА

*«Дева, вы милы, пригожи.
С дочерью сеньора схожи
Речью – иль к себе на ложе
Мать пустила не мужлана;
Но, увы, я девы строже
Вас не видел: как, о Боже.
Выбратся мне из капкана?»*

Маркабрюн

Сквозь сухой шелест веток до слуха Мишеля донесся приглушенный женский визг. Вытянув шею, он огляделся вокруг и заметил, что шагах в десяти кусты шевелятся заметно сильнее, чем остальные, продуваемые легким ветром. Мишель ухмыльнулся, представив, что там развлекается крестьянская парочка, но тут крик повторился, и в нем слышались возмущение и страх.

– Хм, похоже, удовольствие получает лишь один из двоих... Не люблю, когда непочтительно обращаются с девушками, пусть даже и крестьянскими.

Раздвигая руками спутанные ветки, Мишель решительно двинулся в ту сторону, откуда услышал крик. Он хотел было предупредить свое появление грозным окриком, как неожиданно прямо перед ним из кустов возникла растрепанная девица с развязанным наполовину лифом забрызганного грязью платья. Грудь и шея были исцарапаны и покрыты красными пятнами, будто ее пытались придушить. Едва увидев Мишеля, она кинулась ему на шею.

– Благородный сир, милостивый господин! Умоляю, спасите меня от этого... этого...

Она обернулась, цепко держась за рукав Мишеля, и издала оглушительный визг. Вслед за девицей появился огромный косматый тип, подпоясывавший на ходу веревкой перемазанную в мокрой земле полотняную рубаху.

– Ах ты шлюха! К благородному подлизаться надумала? Не выйдет! – зарычал мужик, тяжело дыша и сжимая огромные кулачищи. – А вам, господин, советую отправиться по-хорошему туда, откуда пришли. Мы уж сами между собой разберемся. А ну иди сюда, стерва!

Девушка снова едва не лишила Мишеля слуха своим воплем, отпустила его и, подобрав юбки, резво побежала к дороге, отчаянно продираясь сквозь цепкие ветки.

– Стой! – заревел мужик и кинулся было вслед, но Мишель решительно загородил ему дорогу.

– Как разговариваешь, скотина? – процедил он сквозь зубы и вытянул из ножен меч. – А ну пшел отсюда!

Громила некоторое время оторопело смотрел сверху вниз на Мишеля, оказавшегося ниже его на две головы и вдвое уже в плечах.

– Кому сказано! – прикрикнул Мишель и угрожающе замахнулся. Мужик невольно отпрянул, взмахнув руками, и отступил на шаг, но потом осклабился в отвратительной ухмылке, показав темную дырку на месте передних резцов, и упер кулаки в необъятные бока.

– Гы-ы-ы, – протянул он, окидывая Мишеля наглым взглядом. – Я же сказал вам, ваша милость, идите себе подобру-поздорову. Не благородное это занятие – потаскух всяких вырывать...

– Ты мне не указывай! Не то я покажу тебе, кому следует убираться «подобру-здорову», – Мишель уже не на шутку разозлился и с трудом сдерживал желание без лишних разговоров снести башку этому невеже.

Девушка, отбежав на несколько шагов, остановилась, убедившись, что ее никто не преследует, и молча наблюдала за развитием событий, которые не заставили себя ждать. С медвежьим рыком мужик набросился на Мишеля, желая подмять его под себя, но тот взмахнул мечом вверх, треснув мужика рукоятью в челюсть, а потом добил в грудь и свалил на землю. Громила ошарашено затряс головой, сплевывая кровавую слюну, а Мишель, собираясь убрать меч в ножны, самодовольно произнес:

– Что, вспомнил, как надо вести себя в присутствии сеньора, орясина?

Девушка, прикусив губу и теребя растрепавшуюся темно-каштановую косу, подошла чуть поближе и робко сказала:

– Оставьте его, сир... Спасибо вам!

Мишель повернулся к ней и спросил:

– Ты уверена, что он больше не причинит тебе вреда? Может быть, мне отвести тебя домой?

Слегка зардевшись, девушка опустила глаза и пожала плечами:

– Спасибо, сир, я не здесь живу, но если вы не торопитесь... – она подняла голову и вдруг истошно завопила: – Ай! Сзади! Сзади!

Стремительно обернувшись, Мишель успел только увидеть огромную потную тушу, готовую накрыть его и придавить к земле. Размахнувшись, он наугад полоснул мечом и почувствовал, как клинок туго вошел в плоть. Брызнуло горячим, скользнув по виску, густо потекло по руке, сжимавшей рукоять меча, мужик сдавленно захрипел, наклонился вперед, и Мишель едва успел рвануть на себя меч и отступить в сторону, когда грузное тело тяжело рухнуло, подмяв под себя невысокий кустик. Баронет некоторое время молча смотрел на него, наблюдая, как алая лужа крови быстро впитывается во влажную землю, потом перевел взгляд на залитую кровью руку и лезвие меча и пробормотал:

– Сам напоролся... И поделом.

– Жан? – дрожащим голосом проговорила девушка, медленно опускаясь на колени перед бездыханным телом. Коснувшись пальцами широкой спины, она подняла голову и посмотрела на Мишеля, буквально прожигая его насквозь карими глазами. – Он мертв... Вы убили его, сир.

– Ну, убил, – Мишель, отведя взгляд, сорвал лист лопуха, обтер руку, затем принялся вытирать лезвие меча пучком сухой травы – Сам виноват, а остальным неповадно будет, так им и передай!

– Кому? – простонала девушка, поднимаясь с колен, и, выпрямившись во весь рост, громко выкрикнула: – Каким таким остальным, ваша распроклятая милость? Он был... он был единственным моим другом!

– Другом?.. Ну, знаешь! – теперь пришла очередь возмутиться Мишелю. – Сама вопила, как резаная, о помощи просила, а теперь вот жалеешь. Раньше думать надо было, прежде чем с плачем на шею мне кидаться! Иди лучше, позови кого-нибудь, пусть тело заберут. Да скажи, чтобы передали вашему хозяину – баронет де Фармер заплатит за убитого мужика.

– Ненавижу! – взвизгнула девушка, несколько раз испуленно ударила сжатыми кулаками Мишеля в грудь, упала на колени и разрыдалась. Мишель терпеть не мог женских слез, и потому, тут же перестав злиться, присел рядом с девушкой и обнял ее за судорожно вздрагивающие плечи.

– Ну, перестань, перестань. Было бы из-за кого убиваться – эдакий медведь лохматый.

– Да, – плаксиво пробормотала девушка. – Где я вам другого-то возьму? Да меня вся деревня вороной кличет... Вот только Жан один за мной и ухаживал... А вы его... мечом...

– Боюсь даже представить, как он за тобой ухаживал! – рассмеялся Мишель. – Ну-ка подними личико! – он обхватил ладонями мокрое от слез лицо девушки и приподнял ее голову. – Ну, какая же ты ворона, очень даже милая девушка!

– Правда? – порывисто всхлипнув, сказала она и быстро вытерла ладонью слезы.

– Конечно, – Мишель ласково пригладил выбившиеся пряди волос. В конце концов, почему бы не задержаться еще немного, если торопиться некуда... – Да ты просто красавица, вот разве что носик чуток великоват, – тотчас же Мишель пожалел о сказанном: глаза девицы сузились, она сильно толкнула его, так, что Мишель, не удержав равновесие, опрокинулся на спину, и резко вскочила.

– А вы, благородный сир, оказывается ничуть не лучше деревенских! Спасибо на добром слове и прощайте, – она принялась озлобленно стряхивать сор с платья. Со смехом вскочив на ноги, Мишель обхватил ее за талию, крепко прижал к себе и, положив ладонь на лоб, слегка откинул ее голову назад.

– Глупая, я же шучу. Очень даже миленький носик! – увернуться от размашистой пощечины он не успел.

Вернувшись к лошадям, Жак посмотрел в сторону, куда ушел Мишель и, увидев там непонятное движение и крики, поспешил посмотреть, не случилось ли чего с его хозяином. Он услышал женский плач, потом смех Мишеля и, выбравшись к пролысине между двумя куртинами кустов, удивленно воззрился на распростертое тело крестьянина в луже крови и Мишеля, обнимавшего растрепанную темноволосую девицу.

«Ну, вот, начинается»... – промелькнула у Жака мысль, но в тот же момент девушка отвесила сеньору звонкую оплеуху, вывернувшись из его рук, и Жаку осталось только возмущенно всплеснуть руками:

– Ваша милость, сир Мишель, что же это такое? Да вы никак прикончили этого бедолагу!

– Да, это он, он убил Жана! – капризно заявила девица, надеясь, что хотя бы слуга посочувствует ей.

– Да черт с ним, – махнул рукой Мишель. – Он к девице этой приставал, она кинулась со слезами мне на шею – спасите да спасите! Ну, я и спас! А ей теперь обратно его подавай!

– Что ж теперь делать-то? – бормотал Жак, склонившись над могучими телесами убитого мужика и брезгливо касаясь кончиками пальцев замызганной рубахи. – Ведь он, поди, уже ко фьефу барона де Бреалья принадлежит... Вот что. Беги-ка ты, красавица, в свою деревню да предупреди, что так, мол, и так, несчастье приключилось, барон де Фармер возместит вашему хозяину убытки.

– Не побегу, – тихо, но твердо проговорила девушка.

– Это еще почему? – нахмурился Жак, а Мишель вдруг подумал, что строптивая девица меняет настроение и вместе с ним само лицо, точно наряды – когда он увидел ее впервые, в глазах ее горел животный ужас и мольба о спасении; потом она заливается слезами по своему звероподобному дружку, вдруг доверчиво глядит в глаза, просяив от доброго слова, и тотчас же «одаривает» звонкой пощечиной. И вот теперь помрачнела, отгородившись от всего мира непроницаемой стеной. Забавно!

– Они убьют меня, – коротко ответила девушка, скрестила на груди руки и отвернулась, не желая продолжать разговор, но Жак, взяв ее за плечи, развернул к себе лицом.

– Это еще почему? Кто убьет?

– В деревне. Скажут, я загубила, – она приподняла плечи, пытаясь высвободиться из цепких рук Жака.

– Это мечом-то, который и поднять не сможешь, не то, что насмерть рубануть? – Мишель для убедительности вытащил оружие из ножен и взвесил его в руке, недоверчиво покачивая головой.

Девица глянула на него искоса и совсем тихо произнесла:

– Много вы знаете, господин, что я могу, а что нет...

Жак легонько встряхнул ее и строго сказал:

– Ты мне тут не бормочи под нос, а делай, что говорят!

– Не пойду! – девушка скривила губы, готовясь расплакаться. – Пусть твой хозяин решает.

– Оставь ее, Жак, – приказал Мишель. – Не хочет – не надо. Сделаем лучше так. Езжай прямо сейчас домой, доложи отцу про все...

Жак на несколько мгновений потерял дар речи, а потом сорвавшимся голосом вскричал:

– Хорош же я буду! Вчера только отъехали, а сегодня – нате вам, мужика зарубили! Ну что барон Александр скажет-то? Как я ему в глаза смотреть буду?

Мишель сжал губы, двинул желваками и процедил:

– Если очень понадобится в глаза смотреть – я приеду и посмотрю. А тебе трястись нечего, ты никого не убивал. Скажешь правду, как было дело: мужлан один над девицей беззащитной насилие совершить вознамерился, а я помешал. Он напал на меня сзади и сам на меч напоролся. Ясно? – последнее слово он сказал таким тоном, что Жак, махнув рукой, резко развернулся, собираясь уйти, но Мишель остановил его: – Оставь мне деньги. Все.

– Зачем же все-то? – оторопело посмотрел на него Жак. – Я ж на день уезжаю!

– Я сказал все! – и Жак нехотя отцепил с пояса кошель, протянул его Мишелю, потом коротко поклонился и быстро направился в сторону дороги.

– Я буду ждать тебя в «Серебряном Щите»! – крикнул Мишель ему вслед, потом вздохнул, подумав, что слишком уж сурово обошелся со старым верным слугой – Жак ведь и вправду все его проступки всегда переживал, как свои собственные, и краснел перед отцом за десятилетия, в то время как он сам с независимым видом отмалчивался. – Скажи хоть, как тебя звать, дикая красавица? – обернулся Мишель к притихшей девице.

– Я – Ворона, – грустно усмехнулась она, потом, смешавшись, опустила глаза и тихо добавила: – Мари мое имя. Позвольте, сир, я пойду. И вы идите своей дорогой. Нам не по пути, вы же знаете.

– Ничего не знаю, – помотал головой Мишель. – Ты, кажется, согласилась, чтобы я проводил тебя...

– Я в лесу живу... – нерешительно сказала Мари, кивнув в сторону темной полосы леса за полем.

– Ну, и что? – пожал плечами Мишель. – Что, думаешь, меня волки съедят? Да я эти леса вдоль и поперек исходил, чем ты меня запугать-то хочешь?

Когда они выбрались на дорогу – Мишель решительным шагом впереди, Мари – позади, словно раздумывая, не сбежать ли, Жака уже и след простыл, только глубокие конские следы, отпечатавшиеся в раскисшей дорожной земле, свидетельствовали о том, что расстроенный и обиженный слуга не стал долго раздумывать, а сразу же отправился назад, к замку Фармер. Фатима, наострив уши и втягивая воздух расширенными ноздрями, беспокойно кружила шагах в двадцати от того места, где Мишель оставил ее. Заметив хозяина, она звонко заржала, широкой рысью приблизилась к нему, ткнулась носом в ладони, а потом, настороженно всхрапывая, обнюхала Мари.

– Фатиме надо познакомиться с тобой, она чужим не доверяет, может и укусить, – сказал Мишель, оглаживая кобылу, чтобы успокоить. – Вот, угости ее, – вынув горсть сухарей, он протянул их Мари, но девушка, спрятав руки за спиной, проговорила:

– Она меня боится. Вдруг укусит?

– Это ты ее боишься! Эх ты, а еще деревенская... Дай-ка сюда руку, – Мишель взял Мари за запястье, расправил сжатые пальцы, высыпал сухари и, держа ладонь девушки поверх своей, протянул лошади ее любимое лакомство. Фатима собрала мягкими губами сухари и аппетитно захрустела. Мари рассмеялась:

– Ой, как щекотно!

– Ну вот, теперь она тебя не будет бояться, – тоже засмеялся Мишель, резко поднял взвизгнувшую от неожиданности девушку и, усадив ее боком на холку лошади, вскочил в седло сам. Фатима прижала уши и недовольно затопталась на месте, не желая двигаться дальше. Подчиниться все же пришлось, потому что Мишель натянул повод, осаживая ее, и, подражая Виглафу, когда тот объезжал подросших жеребят, зычно выкрикнул какое-то короткое слово, значение которого не знал, а спросить все было недосуг. Повернув присмирившую кобылу к лесу, Мишель погнал ее рысью.

Они пересекли поле, где Фатима несколько раз провалилась в ямы между бороздами едва ли не по колени, окатив седоков брызгами грязи, и въехали в лес. Мишелю пришлось обнять Мари за талию и прижаться к ней, и он чувствовал, как девушка напряглась, стараясь по возможности отстраниться от него, видел побелевшие пальцы, накрепко вцепившиеся в лошадиную гриву, а когда, покачнувшись, он нечаянно коснулся ее груди, она вздрогнула и наклонилась вперед. Странная девица... то на шею кидается, то монашку из себя корчит. Если так, то зачем согласилась, чтобы он проводил ее? Будто вчера родилась...

– Далеко ли до твоего дома? – спросил Мишель, желая разбить тяжкое и становившееся постепенно враждебным молчание. Он перевёл лошадь на шаг, справедливо полагая, что девушка устала с непривычки от тряской рыси на холке.

– Не очень, – ответила Мари, тщетно пытаясь скрыть дрожь в голосе. – Пока мы едем правильно.

– А с кем ты там живешь? – Мишель задал этот вопрос с опаской, боясь, что девушка совсем смутится и чего доброго спрыгнет с лошади на ходу.

– Одна, – прошептала Мари. – Тут дальше бурелом, ваша милость, лучше пешком идти, лошадь ваша ноги поранит... – еще тише добавила она.

– Да приучена она к лесу, – возразил Мишель, прекрасно понимая, что не забота о благополучии лошади движет Мари в ее просьбе, а нечто другое, пока не понятное.

– Мне неудобно так сидеть, – жалобно проговорила девушка. – Ну, пожалуйста...

– Эх, ладно, – Мишель остановил кобылу, спешил и снял Мари, но, прежде чем опустить ее на землю, задержал немного в объятиях, пристально глядя ей в глаза. – Что-то не пойму я тебя, красавица. Зачем ты ведешь меня к себе домой?

– Я не просила вас, – пролепетала Мари, упираясь ладонями в грудь Мишеля. – Вы сами...

– Ах, вот как! – баронет разжал руки, и девушка спрыгнула во влажную листву, устилавшую лесную почву. – Значит, по-твоему выходит, что я, злодей эдакий, увязался за честной девицей, ну просто-таки благочестивой монахиней и возжелал силой лишить ее... А знаешь, иди-ка ты домой сама. У меня есть дела поважнее, чем провожать простолюдинок в их хибары, к тому же таких, из-за которых я теперь имею неприятности. Так-то ты меня отблагодарила.

Мишель, сплюнув с досады – поймешь этих девиц! – схватил Фатиму под уздцы и решительно развернул ее.

– Стойте! Не так все, не так! – отчаянно закричала ему вслед Мари. – Ну, подождите, ваша милость, пожалуйста!

– Что еще тебе? – холодно спросил Мишель через плечо.

– Я знаю, я все испортила, но я подумала, будто вы... будто вам... – Мари склонила голову, запутавшись в словах. – Если бы не вы... Ведь меня и за человека-то не держат, поломной считают, а Жан не дразнил меня и не гонял, как все, а просто разговаривал, помогал... Теперь-то я поняла, что ему нужно было на самом деле... Скорее всего, он просто поспорил на меня... И сейчас мне показалось, что вы тоже... вам тоже... Подумала сначала, вы – другой, благородный, ведь заступились за меня, оберегать взялись, а потом вдруг поняла, зачем все это... А теперь вижу, что все не так... не знаю...

Она замолчала, задохнувшись неотступным плачем. Мишель, повернувшись к ней и забыв злость, вновь выстроил ряд личин этой странной женщины: маленькая робкая девочка – недотрога, лицемерная кривляка – запутавшаяся в собственных чувствах, запуганная, гонимая отовсюду... Отпустив повод, он подошел к ней и бережно прижал к себе.

– Непонятная ты какая-то... Говоришь одно, а думаешь другое, и наоборот. Считаешь, что у всех мужчин одно на уме? Ты хоть и крестьянская девушка, а я – сын барона, но я не люблю заставлять людей делать то, что они не хотят, тем более женщин. Не бойся, пальцем тебя не трону. Отведу домой, как и обещал, и никому слова про тебя не скажу, раз уж ты так людей боишься. За что же такую милую девушку деревенские не любят?

– Не знаю... – всхлипнула Мари, не отнимая лица от груди Мишеля. – Говорят, что я порчу навожу...

Внезапно она резко отстранилась от него, отступив на пару шагов.

– Хотите, я вам правду скажу, кто я такая? – глаза прищурены, коса растрепалась, и пряди волос перечеркивают бледное лицо.

– Говори, – спокойно сказал Мишель, чуть откинув голову назад.

– Я – ведьма!

Такого поворота событий Мишель никак не ожидал. И к чему бы это разговор с Жаком об отце Фелоте, убеждавшем слугу в существовании ведьм, превращающихся в кошек? «Ворожей не оставляй в живых». Бред. Что еще наплетет эта девчонка?

– Подумать только, какая неприятность! – усмехнулся Мишель. – И что мне теперь с тобой делать? В озере топить?

Мари тоже не ожидала подобной реакции, растерялась, сильно смутилась, и вновь глаза ее наполнились слезами.

– Я правду говорю, – и жалобно повторила: – Я – ведьма.

– А говорила – ворона! – Мишель с удовольствием развивал смешную и нелепую ситуацию. – Ты умеешь превращаться в ворону? А в кошку? А ну покажи!

Мари на самом деле стала похожа на загнанную в угол взъерошенную кошку.

– Смеетесь? – прошипела она. – А зря – я ведь не вру!

Мишелю пришлось облокотиться о широкий ствол бука, под которым они стояли, потому что ноги стали предательски подрагивать от сдерживаемого хохота. Поборов очередной приступ, он выдал:

– Ты что, угрожаешь мне? А я вот крестное знамение сотворю, что ты тогда делать будешь? В кошку превратишься, или, может быть, в ворону?

– Угрожать – не угрожаю, – с хитровой улыбкой сказала Мари. Распознав, наконец, игру Мишеля и заразившись его беззлобным весельем, она решила повернуть ход игры в нужное для себя русло. – А показать кое-что могу.

– В ворону... кхм, ну, показывай, – проговорил Мишель, соорудил торжественно-серьезную мину и выпрямился, точно в ожидании важной церемонии.

Мари огляделась, задержала взгляд на прошлогодних листьях, заполнивших ложбинку между выступавшими корнями бука, прислонясь к которому Мишель наблюдал за ней, и сказала:

– Смотрите, – она присела и прижала ладонь к земле. Губы ее беззвучно зашевелились, и когда она приподняла руку, из-под темных листьев показался белый венчик ветреницы. – А вот еще! – и вновь из-под ладоней Мари, легших на скользкие круглые листья, возникли два белых цветка с желтой сердцевинкой. Мишель присел и осторожно коснулся пальцами тонких зеленых стебельков – живых, настоящих. Чудо... Ему вдруг стало страшно поднять взгляд от земли и посмотреть по сторонам. На миг показалось, будто лес пронизан невидимыми, ждущими воплощения чудесами, которые даже и представить невозможно, и Мари ничего не стоит движением руки или одной только мыслью оживить их.

– Хотите, целый букет соберу? – Мари склонила голову на бок и лукаво взглянула на Мишеля, погрузившегося в мрачные размышления.

– Не надо, – сказал тот. Веселье как рукой сняло, остался неприятный осадок. – Пойдем лучше.

Он пощелкал пальцами, Фатима послушно подошла к нему и зашагала рядом, низко нагнув шею и выискивая травинки.

Лес был по-прежнему светел и свеж, и страх понемногу забылся. В конце концов, что может быть зловещего в обыкновенных подснежниках, и какое коварное злодейство может совершить эта испуганная девчушка? Скосив глаза на Мари, он увидел ее настороженное лицо, – от нее явно не ускользнула его внезапная мрачность.

– Ты, небось, думаешь, что я тебя до дому доведу, там запрю да приведу сюда бальи и деревенского священника, дескать, вот вам колдунья, вершите Божий суд над ней? – сказал Мишель, и Мари, порывисто вздохнув, честно ответила:

– Это ваше право, что я могу сделать...

– Будь честна со мной, только и всего, – ответил Мишель. – Расскажи мне все про себя, почему ты такая... многоликая, что ли – я это сразу заметил, почему ты одна, где твои родители, за что тебя ненавидят, что ты им сделала.

– А зачем это вам? – осторожно спросила Мари, не смея поднять глаза, но чувствуя, что Мишель пристально смотрит на нее.

– Интересно, – просто сказал он. – Сейчас я не вижу смысла в том, чтобы выдавать тебя, потому что не понимаю твоей вины.

– А если поймете – выдадите священнику?

– Глупая, дался тебе этот священник, – засмеялся Мишель. – Забудь о нем, и вообще о какой-либо власти. Здесь только я и ты, и даю тебе слово: ни одна душа не узнает твоей тайны. Я знаю, как трудно держать в себе что-то, не имея возможности поделиться. Я делюсь своей тайной с бумагой, и она еще ни разу не предала меня. Представь себе, что я – лист пергамента, на котором ты напишешь свою историю и я же – огонь, который скроет написанное от посторонних глаз навсегда.

– Хорошо, – шепнула Мари.

«Почему я с ней так говорю, с простой крестьянкой? Кто она такая? Почему в ней видится какая-то глубина, и каждое слово падает в нее, словно в колодец с водой, присоединяясь к чистому роднику? Откуда она взялась?»

– Вот мой дом, мы пришли.

Покосившуюся бревенчатую избушку, стоявшую на небольшой лесной опушке и скрытую высокими кустами бузины, Мишель разглядел не сразу. Чем-то домик напоминал жилище отца Фелота, разве что изначально он не задумывался как землянка, просто со временем деревянный четырехугольный сруб опустился в землю на четверть, и сухие стебли касались двух глубоко посаженных окон, прорубленных в противоположных стенах дома. Почерневшая от сырости, покрытая разноцветными пятнами лишайников дверь настолько искривилась, высохнув и растрескавшись, что едва прикрывала дверной проем, тем не менее была аккуратно закрыта на деревянный засов, как будто это могло оградить дом от непрошенных гостей.

– А говорила одна живешь... – сказал Мишель, с недоумением оглядывая следы свежей дранки, которой заделали дыры в крыше и сложенные возле стены ровной поленницей нарубленные совсем недавно дрова. – Это кто ж тебе крышу починил и дров нарубил? Жан этот, что ли?

– Да какой там Жан! – махнула рукой Мари, отодвигая деревянную плашку. – От него ничего путного не добиться... было.

– А кто же тогда? Только не говори мне, что сама – тут видна мужская работа.

– Все верно, – уклончиво ответила Мари, отворила глухо заскрипевшую дверь и протянула руку в приглашающем жесте. – Проходите, сир, коли не боитесь.

Мишель, презрительно хмыкнув, вступил в полумрак избышки. Пока глаза привыкали к потемкам, Мишель вдыхал острый травяной аромат, горьковато-приторную смесь пряных, смоляных и цветочных запахов. Этот запах напомнил ему мамин сундучок, где она держала разноцветные стеклянные пузырьки и глиняные посудины, наполненные целебными снадобьями. Незаметно проскользнувшая мимо него Мари чиркнула в темноте кресалом, запалила лучину, свет которой выхватил из темноты ее лицо и руки, зажгла масляные лампадки, висевшие на крючках, вбитых в стену – две медные чашечки с чеканкой.

Глазам Мишеля предстало небольшое помещение, один из углов которого был отгорожен старой, но бережно заплатавшей во многих местах занавесью. Посредине находился квадратный стол с гладко выскобленной столешницей, по сторонам которого стояли четыре круглые трехногие табуретки. Над столом с крюка, вбитого в поперечную балку, свисало на толстой цепи обитое железом деревянное кольцо, усаженное удивительно красивыми коваными чашами в виде повернутых головками вверх колокольчиков – еще одно, вместе с лампадами и табуретами, несоответствие бедному жилищу. В ближайшем к двери углу притулился небольшой столик на двух ножках, приколоченный к стене, на нем аккуратными горками стояла нехитрая посуда – несколько начищенных медных блюд, глиняные плоски, закопченный котелок, бронзовая ступка с пестиком; вся стена там была увешана травяными пучками и корешками. Над узким окном, затянутым бычьим пузырем, тянулись длинные полки, плотно заставленные разнообразными пузырьками, горшочками, кожаными мешочками и деревянными бочонками. Вид этой знахарской или колдовской утвари вновь напомнил Мишелю отца Фелота, но, не в пример неряшливому жилью монаха, здесь все было чисто вымыто, подметено, начищено, залатано – сразу видно, хозяйничает в доме прилежная и опрятная женщина.

У стены напротив входной двери Мишель углядел совсем уж вопиющую несуразность – сложенный из ровных отесанных камней небольшой камин с уходящей под крышу конической трубой. Чуть правее в стене была прорублена низенькая дверца, ведущая, скорее всего в сарай или хлев, пристроенный к задней стене дома.

Нелепость обстановки вновь разбудила подозрения. Уж не силой ли волшебной были занесены сюда эти неподходящие друг другу по рангу предметы, будто вельможи, посаженные в бедняцкую лачугу? Казалось, каждый предмет едва успел набросить привычные очертания, чтобы спрятать от вошедшего чужака свое истинное обличье, и кое-что в спешке перепуталось. Стоит Мишелю отвернуться, как за его спиной все закружится в безмолвной пляске, и в мгновение ока вернется на свои места, когда он снова посмотрит.

Словно в подтверждение мыслям Мишеля, нечто показавшееся поначалу ветошью, брошенной в угол, зашевелилось, разноголосо запищало и обернулось серой полосатой кошкой с пятью котятами – четырьмя серыми, такими же, как и мать, и одним черным с белыми отметинами. Котята остались сидеть на месте глазастой шевелящейся кучкой, а кошка потянулась, выгнув тонкую спинку и вытянув вперед лапы, сладко зевнула, показав маленькие острые зубки, уселась, аккуратно обернув лапы темным хвостом и уставилась ясными зелеными глазами на Мишеля. М-да, только кошек тут и не хватало. Одно слово, ведьма!

– Вы, может быть, пообедают желаете, сир? – Мари без труда угадала, что такое обращение будет более всего приятно благородному гостю. – Так я мигом!

– Откуда у тебя все это? – Мишель обвел рукой светильник над столом и очаг, в котором Мари уже успела разжечь огонь.

– Наколдовала! – хихикнула Мари и выскользнула наружу. Еще раз оглядев загадочным образом собравшиеся в одной убогой избышке разномастные предметы, Мишель вышел во двор и принялся расседлывать Фатиму. Мари сновала мимо него в дом и обратно с запо-

тевшими кувшинами, горшками и плошками, которые извлекала из погреба, расположенного где-то за кустами, окружавшими дом.

Вернувшись в дом, Мишель сложил у двери седло и сбрую, снял пояс с мечом и прислонил к стене.

– Послушай, а у тебя есть хоть чем лошадь напоить-накормить? – спросил он девушку, быстро, но без суеты управляющуюся у камина.

– Пойдемте, сир, покажу.

Она повела его за дом, и там обнаружилась еще одна небольшая полянка, служившая огородом, – ровные грядки словно зеленым пушком, были покрыты первыми ростками каких-то посадок. Из небольшой пристройки, прижимавшейся к стене, доносилось кудахтанье кур и глухой перестук чьих-то копыт. Мари взяла из рук Мишеля ремень недоуздка и завела лошадь вовнутрь. Лицо обдало теплой волной запаха навоза и перегнившей соломы. На настилах, покрытых толстой белесой коркой помета, сидело с десяток пестрых кур в компании петуха с мясистым розовым гребнем, скошенным набок. Там же обитала коза и две грязно-белых овцы. В углу, за высокой перегородкой было свалено сено, которое занимало большую часть сарая. Подцепив вилами добрый клочок, Мари кинула его в ясли и, бесцеремонно пнув потянувшуюся к сену козу, подвела Фатиму.

– И как же ты управляешься одна со всем этим хозяйством? – недоверчиво спросил Мишель, когда они вернулись в дом. Кошка запрыгнула на лавку и сидела там, зорко следя за своими детьми, которые бесстрашно разбрелись по полу.

– Привыкла уже, – пожала плечами Мари, расторопно прислуживая Мишелю за столом – налила луковую похлебку, положила под руку деревянную ложку, наполнила козьем молоком глиняную чашку. Один из котят – черно-белый, с маленьким темным пятнышком возле носа, подобрался к ноге Мишеля, резво вскарабкался на колено и уселся там, будто солдат на отведенном при штурме крепости бочонке с вином. – Вы уж не обессудьте, сир, еда у меня простая...

– И очень вкусная, – буркнул Мишель, с удовольствием прихлебывая душистый суп; на самодовольно урчащего котенка он не обращал внимания. – Стряпаешь ты отменно. А вот кто тебе, все-таки, дрова рубит, крышу латает, сено возит и светильники кованые дарит?

Мари, сидевшая напротив него и по мере надобности отрезавшая ломти хлеба, будто пропустила его вопрос мимо ушей.

– Мы же с тобой договорились, – потребовал Мишель, но сердце его невольно сжалось. Он боялся услышать то, о чем думал непрестанно. Не силы темной, прислуживающей ведьме, не страшного обличья дьявольского, а самой этой правды. Боялся удостовериться, что Мари – ведьма. – И потом отвечай, когда тебя господин спрашивает!

– Сено Жан привез... А остальное – Виглаф, – нехотя ответила Мари, и Мишель, не донеся до рта, вылил похлебку обратно в плошку.

– Какой Виглаф? – настороженно переспросил он, держа пустую ложку на весу.

– Из замка, – не понимая, что так поразило Мишеля, сказала девушка. – Старый конюх. Он приходит ко мне, помогает по хозяйству, выполняет разную мужскую работу, которая мне не по силам. И раньше помогал, когда мама еще была жива, и до меня. Я его всю жизнь помню – огромный такой, высокий с белыми волосами и бородицей... Он мне как дед... – жалобно закончила она.

Мишель, опустив ложку, принялся постукивать ей по столу. Ухватив намеревавшегося попробовать похлебку котенка двумя пальцами за шкурку, ссадил на пол. «Других Виглафов, да еще двойников нашего, в округе не водится, это точно... Хотя... ну конечно, он же говорил, что у него в дальней деревне живет то ли племянница, то ли еще какая седьмая вода на киселе, ходил туда с узелками, бывало, оставался на несколько дней... Так вот она, племянница-то! ... Вот это колдовство!»

– Что такое? – испуганно глядя на Мишеля, проговорила Мари. – Я что-то не так сказала, сир?

– Да так, ничего, показалось... – рассеянно сказал Мишель и постарался побыстрее перевести разговор на другую тему, чтобы рвущийся наружу смех над собственной трусливой мнительностью не испугал Мари еще больше: – Расскажи мне лучше о своей матери.

– Что, прямо сейчас? – замялась Мари, опустив глаза и мусоля в пальцах хлебный катышек.

– А почему бы и нет? – Мишель начал догадываться, если он будет настаивать и требовать, тем труднее девушке рассказывать свою, скорее всего, безрадостную историю. Поэтому он допил остывшую похлебку прямо из миски, встал из-за стола и, оглядевшись, устроился на лавке, подстелив свой плащ. Заложив руки за голову, он сказал:

– Я тебя слушаю.

Котьята затеяли возню под столом, то и дело прыскавая из-под него в разные стороны.

Некоторое время девушка молчала, водила кончиком косы по губам, собираясь с силами или подыскивая самые трудные слова начала, и, наконец, заговорила.

– Сколько помню себя, я жила вдвоем с мамой здесь, кто был моим отцом – понятия не имею, никогда не видела его и ничего не слышала о нем от матери.

– А кто была твоя мать? – снова спросил Мишель, чувствуя, что Мари теряет желание продолжать беседу.

– Ее считали колдуньей, – медленно произнесла девушка. – Как и меня...

– Она тебя всему и научила? – помог ей Мишель.

– Да нет... – Мари пожала плечами, склонив голову на бок. – Я сама. Мама объясняла мне только, какие травы целебные, какие ядовитые, как и что лечить ими, сочетания, как готовить настои и отвары... А про *остальное* она не говорила.

– Расскажи мне о ней. Что она делала? – повернув голову и посмотрев на Мари, Мишелю показалось, будто она так глубоко ушла в себя, в свои воспоминания, что не слышала слов Мишеля, и ему пришлось повторить их и добавить: – Если не хочешь говорить – не надо, я не буду тебя принуждать.

Словно продолжая начатый в своих мыслях разговор, Мари сказала:

– Нам так хорошо жилось вдвоем... Она была тихой, доброй, ласковой, никогда не ругала меня, очень любила. И к людям такая же – любую просьбу выполнит, боль снимет, тоску прогонит. Стали говорить, будто она все ворожкой да заговорами делает, и понемногу вся деревня отвернулась от нее. Ей пришлось перебраться в пустовавшую избушку лесника, которого загрызли зимой волки, потому что дом, где она жила в деревне, однажды подожгли и она чудом спаслась... Красный петух... Мама не любила про это говорить. Я родилась уже тут...

Кошка спрыгнула с лавки, подошла, неслышно ступая мягкими лапками, к Мари, потерлась о ее ногу, обутую в ладный кожаный полусапожек. Наклонившись, девушка подняла ее на руки, усадила к себе на колени, и кошка свернулась в теплый урчащий клубок, прикрыв нос черным кончиком хвоста.

– Хотя в деревне маму и не терпели, все равно часто ходили к ней – кто за снадобьем, кто за советом. Она никому не отказывала и никогда не просила ничего взамен, крестьяне сами оплачивали ей за доброту, – Мари невесело усмехнулась, – только почему-то стыдились своей благодарности, подкладывали тайком под дверь то мешок с мукой, то узелок со всякой снедью. А за глаза поносили, как могли, би мне вслед кричали – ведьмино отродье. Я все понять не могла, зачем мама им помогает, если они ее так ненавидят, если они такие злые и неблагоприятные, не понимала и ее объяснения. Она говорила, что не может отказать просящему, чувствует боль и горе, как свои, будто что-то ломается и необходимо починить, иначе случится непоправимое. И так сильно это желание, что пресечь его нельзя. Теперь я знаю, о чем она говорила, потому что сама все это однажды ощутила. Когда кому-то больно, особенно ребенку

или зверю, кажется, будто мир, как лед, растрескивается на мелкие осколки и вот-вот осыплетя, если ты не прекратишь боль...

Мари замолчала, поглаживая жмурившуюся кошку. Все тот же котенок с черной точкой на белой мордочке, цепляясь короткими толстыми лапками, вскарабкался по меховому плащу на грудь Мишелью и сел, обозревая с непривычной высоты знакомые предметы.

– Что случилось с твоей матерью? И как ее имя, ты еще ни разу не назвала его, – осторожно спросил Мишель.

– Ева, – отозвалась Мари и, вздохнув, робко попросила: – Сир, можно я не буду больше говорить о ней? Хотя бы сейчас...

– Хорошо, не надо, – сказал Мишель, наблюдая как котенок начал крадучись пробираться к его лицу, вытянув круглую усатую мордочку и принюхиваясь.

– Вам Пятик не мешает? – неожиданно спросила Мари и, видя, что Мишель не понял, о ком она говорит, рассмеявшись, пояснила: – Это я про котенка!

– Почему Пятик? – Мишель погладил зверька пальцем между ушей, и тот зажмурился, едва не расплывшись в блаженной улыбке.

– Пятым родился, – ответила Мари, – последним, и еще из-за пятнышка на носу. Обычно последыши слабенькие, долго на свете не задерживаются, а этот, наоборот, самый бойкий. Повсюду свой нос пятнистый сует, все-то ему надо разузнать, разнюхать. Зато ему больше всех и достается от Мухи.

– Муха – это кошку твою так зовут? – пробормотал Мишель, кивнув на серый клубок, мурлычущий на весь дом.

– Да, она всех мышей переловила у меня, иначе эти твари всю крупу и муку испортили бы.

Мишель чувствовал, как сонное оцепенение охватывает тело, мешает мыслям облачаться в слова. Он закрыл глаза – словно кто-то легкой прохладной ладонью опустил веки, но Мари сидела за столом, не шевелясь.

– Спи, сир, – уже по ту сторону сознания, сквозь плотную пелену сна донесся отдаленный голос девушки.

Проплыв сквозь бесконечно долгое забытие без единого сна, Мишель внезапно ощутил себя в том же доме, но как бы там и не существующим. Какие-то другие люди находились теперь в комнате, их было трое – женщина, старик и маленькая девочка. Гул голосов, пришедший издалека, звучал отчетливее, стали различаться отдельные интонации, слова. Старик возмущался, женщина отвечала кротко и беззлобно, девочка испуганно молчала, забившись в угол.

– Ты врачевала болезни людские заклинаниями и колдовством! – вытянув узловатый палец, старик швырнул эти слова женщине, и Мишель вдруг узнал его – это был отец Фелот.

– Я использовала те же травы, что берете и вы, святой отец, только я просила их помочь мне, потому что душа растения не всегда откликается, она может погибнуть, когда траву или листья варишь... – отвечала женщина, спокойно глядя святому отцу в глаза. Она была похожа... была похожа на Мари, только старше ее теперешней лет на десять, и лицо ее в обрамлении прямых светло-русых волос излучало пугающий и притягивающий одновременно свет.

– Не богохульствуй, несчастная! – вскинул кулаки отец Фелот. – Душа растения... Божий дух есть только в человеке, сотворенном по образу и подобию! Все видели, как ты заговаривала кровь, текущую из глубокой раны у одного мальчика, как ты погубила посевы у целой семьи, сказав что-то заколосившимся всходам!

– Я перевязывала разорванную жилу и успокаивала ребенка ласковыми словами, а рожь погубила спорынья – я наклонилась, чтобы рассмотреть получше и предупредила об этом хозяев поля, чтобы они вовремя срезали больные колосья. Я не виновата в том, что эти люди всегда переворачивают мои слова так, как им хочется, – женщина продолжала говорить ровно и невозмутимо, она не оправдывалась, а объясняла, словно неразумному ребенку. Мишель понял, что знает ее имя – Ева.

– Ты – ведьма! – выкрикнул монах. – И сейчас изворачиваешься из последних сил, как придавленная гадюка, а тебе надо бы пасть перед Господом на колени и молиться, молиться!.. – отец Фелот ударил кулаком по столу, который отделял его от Евы. – Молиться истово о спасении пропащей души своей!

Ева вдруг грустно улыбнулась и покачала головой, волосы золотистыми волнами колыхнулись из стороны в сторону. Улыбка эта заставила отшельника исступленно дернуть нательный крест так, что лопнул истертый шнурок, выставить распятие перед собой и срывающимся голосом забормотать слова экзорцизма. Едва прозвучало «Именем и кровью Христа повелеваю», как Мишель почувствовал, что между крестом в мелко дрожащей руке святого и женщиной нарастает невидимое, но вполне ощутимое напряжение. На мгновение Мишелю показалось, что столкнулись два снопа белого света, и между ними вот-вот ударит молния. Ему захотелось прорваться сквозь свое небытие и остановить невыносимое действие.

– Не надо... – изо всех сил закричал Мишель, но ни голоса, ни движения мускулов не почувствовал.

Неотвратимо, как смерть или наступление зимы упало слово «Аминь». Раздался тоненький крик девочки – это была Мари, только еще маленькая, она съёжилась от ужаса, точно зайчонок, и закрыла ладошками лицо.

Молния не ударила, но Ева скорчилась, словно от смертельной боли, упала на колени, уткнувшись лицом в пол, становясь все меньше и меньше, превратилась в гибкую кошачью тень, которая метнулась прямо в лицо Мишелю. Он не смог отпрянуть, потому что не владел своим телом, а тень обратилась в звук – ровное глубокое мурчание сытой, пригревшейся кошки, заполнившее собой весь опустевший мир.

– Проснитесь, сир, проснитесь!

Мишель вздрогнул, широко раскрыл глаза и почувствовал, будто всплывает на поверхность к свету и воздуху с самого дна темного омуты.

Рывком мир вернулся на место. На плече Мишеля, прижавшись к его шее, устроился Пятик и урчал в самое ухо.

А ведь это отец Фелот превратил ее в кошку.

– Сир, ночь уже на дворе, вы бы перелегли в мою постель, – Мари стояла над Мишелем со свечой в руке.

– А ты? – он чувствовал себя раздвоенным: память еще хранила сон, но реальность все же была сильнее.

– Я здесь устроюсь, мне все равно вставать на рассвете, – сказала Мари, взяла в руки обмякшее тельце спящего котенка и прижала его к себе, спрятав губы в пушистый бок. Мишель поднял на нее глаза. Маленькая, хрупкая, сколько ей лет – пятнадцать? Женщиной еще не назовешь, но и девочкой тоже – говорит и мыслит как полжизни прожила. И за котёнком будто ребенок прячется... Неужели этот бычище Жан... страшно подумать! И ты туда же, де Фармер! Понятно, отчего Виглаф о ней так печется – живет такая птичка одна в лесу, любой обидеть может, что простолюдин, что благородный, как кружку эля выпить. И не заступится никто, станут, пожалуй, из-за ведьмы беспокоиться. А я вот – стал...

Мишель поднялся с лавки, расправляя затекшие мышцы, и проследовал за Мари в отгороженный угол, где увидел заранее приготовленную постель – широкая лавка, укрытая пуховой периной и теплым шерстяным одеялом, подбитым беличьим мехом.

– Это еще что за роскошь? – усмехнулся Мишель. – Что, тоже Виглаф?

– Он, а кое-что сама, – коротко ответила Мари, вставила глиняную лампаду в кованое кольцо, сделанное в виде двух лепестков, над кроватью – теперь-то Мишель знал, чья это работа – и, все так же прижимая к себе сонного котенка, торопливо вышла, плотно задернув занавесь. Мишель некоторое время задумчиво смотрел на чистое белое полотно, которым была застлана постель, и решительно разделся, сбросив одежду прямо на пол.

Последняя из растворившихся в мягком сумраке спокойного сна мыслей, тускло блеснула, оставив след недоумения и суеверного страха – Мари, отказавшись рассказывать ему историю своей матери, просто *показала* все, что знала и видела сама.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СНЫ

*...И, Бог свидетель, мне претит
Восторженность юнца, чей щит
Нетронут, девственно блестит...*

Монах Монтаудонский⁵

Снился тягучий запутанный сон, наполненный знакомыми и неизвестными людьми, бесконечно повторяющимися, бессмысленными действиями и звуками. Такие сны снились Мишелю в детстве, когда у него бывал жар, и мать дни и ночи просиживала у его постели, меняя мокрую тряпицу на лбу и заставляя пить горькие отвары. Вот и сейчас Мишель ворочался, сбрасывал покрывало и вновь натягивал его на себя, просыпался, с облегчением понимая, что вся эта суетливая неразбериха только снится ему, и снова окунался в жаркий бред.

И вдруг все оборвалось. Стало тихо, спокойно и хорошо. Открыв глаза, Мишель увидел, что весь дом освещен серебристым светом, будто полная луна заглянула в низенькие узкие окна, но на самом деле источника света не было – светился сам воздух, таил в себе смутные события, не произошедшие или уже свершившиеся, но оставившие след в этом доме; в нем плавали неуловимыми тенями чьи-то сны, мечты, воспоминания, тихим шепотом тревожа душу. Голубоватые лучи проникли сквозь заплатанную занавесь, растворив в себе ветхую ткань, и незаметно для глаза приняли очертания человеческой фигуры. Женский силуэт приблизился к Мишелю, присел на краешек постели, тонкая рука протянулась к мокрому лбу. Прохладное нежное касание, наклон головы, светлые волосы, уложенные в изящной простой причёске и ниспадающие на спину золотистым водопадом, усмирённым тонким плетёным шнурком, призрачно светящееся платье, – Мишель вдруг осознал, что женщина, ласково глядящая его по лицу, похожа на Юлиану, она *была* ею, но это значило, что сон продолжается. Это только одно из воспоминаний выплыло из пропитанного ими воздуха. Мишель смотрел на нее, вбирая в себя так давно не виданные и постепенно истершиеся из памяти черты, наполняя побледневший образ свежими красками. Ему захотелось поговорить с ней, спросить, не скучает ли она *там*, помнит ли она здешнюю жизнь, любит ли она его, как прежде, но вдруг испугался, что, как в предыдущем сне, не сможет произнести ни слова.

– Мама... – Мишель услышал в тишине свой едва различимый шепот. – Почему ты здесь?

Юлиана не ответила, лишь коснулась пальцами его губ и улыбнулась. Мишель закрыл глаза и тут же вновь открыл их – мать все так же сидела рядом с ним, лунный свет, казалось, исходил с ее кожи, волос, одежды. Мишель почувствовал, как веки тяжелеют, темнота завлакивает взор – он погружался в более глубокий сон.

– Нет, – хрипло выдавил он. – Не сейчас, побудь еще немного... Не уходи...

Юлиана покачала головой и прикрыла Мишелю глаза. Сквозь ресницы он видел, как она встала, не оставив на простыне ни единой складки, и медленно отошла, растворяясь в серебряном свете. Горький колючий ком подкатил было к горлу, но боль внезапно растворилась в бесчувствии.

Снова пронеслась разноцветным вихрем вереница сновидений, точно шумная охота по полю, оставив после себя гулкую непривычную тишину. На этот раз Мишель проснулся окончательно – больше не было загадочного свечения, только тусклое мерцание догоравшего фитиля в масляной лампе, все вокруг было понятно и реально – запах старых отсыревших за зиму бревен, хорошо утопанный земляной пол, измятая простыня и упавшие на пол шкуры.

---

⁵ Перевод А. Г. Наймана

Перевернувшись на спину, Мишель хотел было сесть, но замер, не смея пошевелиться. На том самом месте, где во сне сидела мать, он увидел Мари.

Первым его движением был рывок к сползшему на пол покрывалу, но на кого его набросить первым делом он так и не смог решить – на себя, лежащего совсем без одежды, или на нее – обнаженную и, точно леди Годива, едва прикрытую длинными распущенными волосами.

– Что ты здесь делаешь? И почему ты... – Мишель не смог договорить, потому что Мари протянула ладонь, приказывая молчать, и откинула волосы. Мишелю захотелось опустить глаза, отвернуться, но он не мог оторвать взгляда от бледного, будто выточенного из слоновой кости тела. Это была прежняя Мари, но удивительная, неправдоподобная и оттого жуткая красота изменила ее до неузнаваемости. Как талантливый художник, несколькими штрихами вносящий жизнь в неумелый рисунок, как истинный поэт, росчерком пера превращающий обыкновенные слова в певучие строки, так неведомая, непостижимая сила вдохнула в простую (*так ли?..*) крестьянскую девушку сказочное очарование. Мари была спокойна и уверена, ни следа запуганной, полудикой девочки не осталось в ней, она будто скинула с себя последнюю маску и предстала в подлинном, настоящем обличье.

– Ты боишься? – спросила она по-кошачьи мягким голосом, взгляд ее неторопливо скользил по расprostертому перед ней телу Мишеля.

Далеко не в первый раз он видел перед собой нагое девичье тело и сам представал в платье Адама перед женскими глазами, но как никогда почувствовал неловкость. Рука его вновь потянулась к покрывалу, но Мари перехватила ее и прижала к своей груди. Мелкая дрожь зябкой волной прокатилась от ладони по всему телу. Мишель сел и обнял Мари за плечо. Она слегка отклонила голову назад, подставляя бледные губы для поцелуя, и Мишель осторожно ответил на призыв. Горячий всплеск желания едва не заставил его одним сильным движением опрокинуть Мари на белое полотно, но он не посмел и посмотрел ей в глаза. На мгновение Мишелю привиделось, будто он стремительно падает в черную пустоту ее расширенных зрачков, и, вынырнув из бездны, он обнаружил себя лежащим на спине, и рядом на подушке мелькнуло лицо Мари, выхваченное последней вспышкой прогоревшего фитиля, в темном ореоле раскинувшихся волос...

– Ты уверена?..

– Да.

* * *

Кто-то теплый, урчащий и когтистый лежал на груди Мишеля. Маленькие лапки размеренно, в такт урчанию, то впивались мелкими коготками в кожу, то отпускали. Мишель открыл глаза и встретился взглядом с зелеными глазами серой кошки, пристроившейся у него на груди. В ногах резвилась развеселая компания котят, они прятались в складках одеяла, ловили невидимую добычу, размашисто стуча лапками по бугоркам и изгибам ткани, валили друг друга с ног.

Был уже день, сквозь мутную пленку бычьего пузыря в дом проникал тусклый солнечный свет. Поначалу Мишель не мог понять, сколько дней и ночей он здесь находится, и с трудом восстановил в памяти вчерашние события – отъезд из хижины отца Фелота, встреча с девушкой и ее ныне покойным ухажером, разговоры, странные сновидения. И последнее... Было ли это на самом деле, или же снова Мари заставила его видеть во сне то, что ей угодно?

– Так и будешь на мне сидеть, серая? Или как там тебя – Муха?

Кошка, почувствовав недовольную интонацию в голосе человека, нахально занявшего ее и хозяйкину постель, отвела назад уши, некоторое время смотрела на него круглыми глазами, помахая кончиком хвоста, и, коротко взмуркнув, прыгнула. Откликнувшись на зов, котята

последовали за матерью, бесстрашно прыгая на пол с высокой лавки, и все семейство скрылось за занавеской.

Прислушавшись, Мишель понял, что в доме никого нет. Он сел на постели и увидел свою аккуратно сложенную одежду у изголовья. Одеваясь, Мишель заметил, что испачканный в крови рукав котты тщательно замыт и был еще влажный. Он откинул занавеску и огляделся. В углу возле двери лежало седло со сбруей, рядом стоял прислоненный к стене меч. На столе под лоскутом выбеленного холста угадывались очертания кувшина и блюда. Подойдя и приподняв край ткани, он увидел глиняное блюдо с вареными бобами, половину каравая зернистого хлеба, белое зеркальце молока в кувшине, потом, скрипнув дверь, вышел во двор. Солнце, без труда добираясь широкими полосами лучей до земли сквозь сетку голых ветвей, ярко освещало подсохшую бурую листву, опавшие ветки, желтоватые пучки травы. Обойдя дом, Мишель зашел в хлев. Там приветливо зафыркала при виде хозяина Фатима, овцы рывком шарахнулись вглубь сарая. Мари нигде не было. На всякий случай Мишель позвал ее пару раз и, не услышав ответа, вернулся в дом.

За завтраком Мишель выстроил в памяти свои сновидения. Сначала события десятилетней давности, история исчезновения матери Мари, Евы, случившегося не без участия отца Фелота. Потом видение матери, она пришла к нему, чтобы как в детстве, избавиться от тяжелого болезненного бреда (откуда только взялся этот жар?), и виделась так ясно, так всамделишно, будто никогда и никуда не уходила... И последнее... Насчет первых двух видений Мишель не сомневался, хотя оживший образ матери не давал покоя, ведь столько душевных сил было потрачено на то, чтобы обезболить память о ней, и теперь, пожалуй, придется начинать все с начала. Но была или нет та Мари, освещенная волшебной красотой, словно поменявшая местами внутренний и внешний облики? Не у кого спросить, да и спрашивать Мишель не стал бы – прочел по глазам. Впрочем, кто ее знает. Ведьма...

Покончив с едой, Мишель быстро собрался и покинул жилище Мари, не забыв подпереть ненужной щеколдой хлипкую дверь. Пока он добирался до трактира «Серебряный Щит», где его должен был ожидать Жак, никто не встретился ему по дороге, кроме нескольких вилланов да вымазанного с ног до головы в дорожной грязи, но судя по одежде благородного всадника, который, нещадно понукая взмыленную лошадь, пролетел мимо Мишеля, даже не кивнув головой. Пока Мишель, остановив и развернув лошадь, раздумывал, не является ли поведение незнакомца оскорблением и не стоит ли догнать его и вызвать на поединок, тот уже скрылся из вида и гнаться за ним смысла не было.

– Не очень-то и хотелось, – произнес Мишель и отправился своим путем. Сейчас его мысли были заняты совсем другим. Образ многоликой ведьмы не давал ему покоя. Впервые с того момента, когда она показала ему свое «искусство» на лесной тропинке, он подумал о ней не как о бедной сироте, а о «ворожее», которую не следует «оставлять в живых». Отец Фелот бы уж точно не оставил, а узнав, где, с кем и как его крестник провел эту ночь, пришел бы в благоговейный ужас, наложил бы суровейшую епитимью, а ведьму превратил бы в кошку... И вдруг пришло невероятное объяснение: вся святость Фелота в том сне имела тот же источник, что и ведьмины деяния, монах оказался сильнее Евы, и сумел подчинить ее своей силе, загнав в кошачий облик. Так кого же не оставлять в живых, Фелота или Еву с Мари? А знает ли отец Фелот о своих способностях или приписывает все Высшим Силам? Мишель хорошо знал предание о том, как отец Фелот прослыл святым при жизни – остановил принесенную из Заморья страшную болезнь – черную оспу. Ведь из других местностей эта зараза уходила только, когда некому уже было болеть и умирать. А отшельник за один вечер истовой молитвой (или заклинаниями да собственной силой?) прогнал оспу и спас всех больных, да и здоровых тоже. Святой Дух опустил на землю или монах, не прибегая к помощи всевышнего, сам того не подозревая, исцелил всех? А вся его возня с травами, похоже, мало чем отличается от того, чему Ева учила Мари...

Незаметно добравшись до «Серебряного Щита» и обнаружив, что Жака там еще нет, Мишель передал лошадь слуге, заказал у хозяина трактира, которого все называли Рыжим Жилем, кружку эля с закуской и уселся за самый большой стол, стоявший в углу. Жиль хмуро покосился на него, недовольный тем, что нахальный баронет один занял целый огромный стол – попробуй подсади к нему кого-нибудь, скандалу будет на весь фьеф...

Но Мишель скандалить ни с кем не собирался; сосредоточившись на своих размышлениях, он неторопливо попивал эль, закусывал козым сыром и что-то выцарапывал на крышке стола своим кинжалом. Когда кружка опустела, Мишель с недоумением воззрился на вырезанные светлые буквы на фоне потемневшей древесины, и обнаружил, что они складываются в четверостишие:

Я вернусь седеющим и мудрым
И склоню колени пред тобой,
И свои нестриженные кудри
Обнажу нетвердую рукой.

Перечитав вышедшее из-под острия кинжала словно в первый раз, Мишель подумал немного и уже осознанно принялся творить далее.

Я вернусь ноябрьским предзимьем
Вместе с первым снегом голубым.
Ты меня прощающе обнимешь,
И я снова стану молодым.

И рукой, карающей и нежной,
Проведешь по буйным волосам.
А наутро я опять исчезну,
Улечу к нехоженным лесам.

И когда, измученный и блудный,
Потеряю крылья за спиной,
Я вернусь седеющим и мудрым
И склоню колени пред тобой.

Стихотворение заняло довольно большую часть стола, – буквы получились крупными. В момент творения столешница представилась Мишелю листом бумаги, а кинжал – заостренным пером, о том же, что он беззастенчиво портит имущество Рыжего Жилия, даже не вспомнилось.

Тяжело дыша, в дверь ввалился Жак, оглядел немногих посетителей трактира, увидев Мишеля, сидевшего за столом с кинжалом в руке, вздрогнул и быстро посмотрел на Жилия. Тот, чем-то недовольный, но спокойный, меланхолично протирал медное блюдо, и Жак облегченно вздохнул – Мишель, судя по всему, не успел еще никого убить. Подойдя к изувеченному столу, Жак молча протянул хозяину свиток.

– О, Жак! – воскликнул Мишель, точно очнувшись. – А это что?

– День добрый, ваша милость, – кивнул Жак, косясь на письма, покрывавшие половину стола. – Вот письмо вам от отца.

Жак устало опустился на скамью напротив хозяина, стараясь отдышаться, а Мишель, разворачивая послание, крикнул:

– Жиль, еще одну кружку!

Подойдя к нему, Рыжий Жиль, конечно, сразу же заметил последствия сочинительства баронета и, выставляя затребованную кружку, подумал, что неплохо бы удвоить плату за эль, благо молодой Фармер счет выпитым кружкам не ведет.

В коротком письме барон Александр, не утруждая себя велеречивостью, язвительно поздравил Мишеля с первым поверженным в честном поединке достойным соперником. Барон де Бреаль очень рассердился, и отцу, видимо, будет стоить немало трудов и денег, чтобы уговорить его не раздувать эту историю, однако, бальи уже осведомлен. Так что в интересах Мишеля как можно скорее покинуть окрестности Аржантана. Куда он собирается направляться, барону Александру безразлично. В постскриптуме помещалось короткое обращение к Жаку, и Мишель уग्रом прочитал наставления вслух:

«Настоятельно требую ни под каким предлогом всех денег баронету в руки не давать, а тратить их по усмотрению своему на проживание и прочие необходимые нужды».

Выслушав, Жак горестно вздохнул:

– Вот видите...

– Да на, держи! – Мишель отвязал с пояса кошель и швырнул его на стол.

«Отец прав. Вот уж действительно, похвастаться нечем – взялся ведьму выручать и мужика зарубил. Подвиг хоть куда, только в фаблю воспевать. Бесславно же начался „*путь подвигов и приключений, целью коего есть...*“ и так далее... А ведь все беды начались с того момента, как ведьма повстречалась. Не попадись она мне в поле, не встретился бы и мужик, не пришлось бы его убивать. Может быть, это она во всем виновата? Или не виновата, просто несчастья всем приносит, сама того не ведая. Вот и Жан ее теперь мертв. Я, правда, жив пока, но кто знает? Однако, грехов на мне теперь... Безвинную душу загубил, с ведьмой хлеб делил, в жилище ее ведьминском ночевал, совратила она меня. И нельзя идти к отцу Дамиану, плохо кончится. Для меня плохо кончится, для Мари еще хуже. Она же не ведает, что творит. Влип ты, Фармер, два шага от порога родного дома сделал, и уже по уши... Что же дальше будет?»

Каждая невеселая мысль подкреплялась хорошим глотком эля, и число пустых кувшинов угрожающе множилось на столе, прикрывая начертанные кинжалом стихи. Жак не смел встречать, видя, что настроение баронета совсем испортилось. Эх, говорил же барону Александру, полегче с ним надо, дитя ведь еще неразумное...

Наконец, Мишель стукнул полупустой кружкой по столу так, что эль выплеснулся и обрызгал Жака, и проговорил:

– Иди, рассчитайся с Жилем за эль и закуску. Едем...

Отряхивая одежду, Жак подошел к хозяину трактира и, отсчитывая затребованную сумму, подивился, сколько же выпил да съел Мишель до его прихода, если получилось так много. Жиль невозмутимо принял оплату и лишь равнодушно пожал плечами.

Вернувшись к Мишелю, Жак увидел, как тот добавляет заголовок к выцарапанным ранее строчкам, и кинжал то и дело соскальзывает вбок, оставляя витиеватые росчерки. Рыжий Жиль спокойно наблюдал за этим – убытки свои он возместил с лихвой. Надпись гласила:

«Возвращение блудного сына»

Великий пост, год 1183 г. от воплощения.

Сочинено баронетом Мишелем де Фармер.

Подумав немного, Мишель доцарапал внизу, под стихом маленькую приписку:

«Спасибо, Жиль, за эль!»

После чего, сделав Жаку знак следовать за ним, он покинул «Серебряный Щит».

Согласившись внять предостережению отца, благо оно не расходилось с его собственными намерениями, Мишель решил как можно скорее добраться до Аржантана, а там – и до Небура. Далее его планы пока не простирались, и думать об этом совсем не хотелось.

Лошади резво бежали по подсыхшей дороге, покрывая небыстрой рысью одно лье за другим. По обеим сторонам тракта простирались черные незасеянные поля, за ними – желтоватые холмы и темные полосы лесов, упиравшиеся в светло-голубой небесный свод. Дорога поднималась по небольшому пологому склону, позади осталось памятное место, где лежал несчастный глупый Жан, теперь, скорее всего, уже погребенный родственниками.

Фатима навострила уши и выпрямила шею, втягивая воздух широко раздутыми ноздрями – почуяла впереди кого-то. Въехав на вершину холма, Мишель увидел чуть ниже всадника, двигавшегося неторопливым шагом посреди дороги. Беглого взгляда на его одежду, вооружение и сбрую лошади было достаточно, чтобы понять – впереди едет рыцарь. Чуть позади шел его слуга, ведя в поводу двух мулов: одного под седлом, другого – навьюченного узлами и сундуками. Тот час же Мишель почувствовал радостное возбуждение – ну, наконец-то!

Пришпорив лошадь, он быстро спустился, поравнялся с рыцарем, покосился на него – тот ехал, опустив темноволосую с проседью голову и напевая вполголоса себе под нос, мельком Мишель увидел смуглое, заросшее черной щетиной лицо, и, обогнав на два корпуса, остановился, развернув лошадь поперек дороги. Жак, почуяв недоброе, поспешил догнать хозяина.

– Не соблаво... не согобла... не соизволит ли доблестный сир, имя коего мне не известно, но несомненно принадлежит к благороднейшему роду, объяснить мне, баронету Мишелю де Фармер, чем ему так не угодила масть моей лошади?

Конь рыцаря, недовольно вскидывая голову, приостановился ввиду внезапно возникшего препятствия; всадник, погруженный в свои мысли, поднял глаза и, словно бы очнувшись, некоторое время недоуменно помаргивал, осмысляя услышанное, на всякий случай оглянулся по сторонам, а потом произнес с заметным южным акцентом:

– Не соблаговолит ли доблестный сир указать мне на лошадь, масть которой мне якобы не понравилась. Имя же мое...

– Имени же вашего никто не спрашивал, – продолжал нарываться на грубость Мишель, осознав, что начало про лошадь было несколько неудачным. И не ошибся. Рыцарь нахмурился, положив руку на рукоять меча.

– Несмотря на это, я все же назову его, дабы вы, любезнейший, знали, с кем скрестите клинок, если немедленно не принесете извинений. Мое имя...

– Хорошо, я готов сразиться с вами! – воскликнул Мишель, обнажая оружие, опять не дал незнакомцу представиться и окончательно разозлил его этим. Жак, понимая, что побоище неизбежно, предпринял отчаянную попытку примирить разгорячившихся господ. Он спешил, подбежал к лошади Мишеля, схватился за повод и быстро заговорил:

– Благородный сир! Умоляю вас, будьте благоразумны! Разве вы не видите, мой господин молод, неопытен и вдобавок выпил лишку, неужели ваша доблестная рука поднимется...

Он не смог договорить – Мишель не глядя отмахнул рукой, и удар в лицо свалил старого слугу на землю. Несмотря на то, что рыцарь так и не обнажил клинок, Мишель пришпорил лошадь и с низким глухим рычанием двинулся на соперника, занеся меч для удара.

– Никогда не бей сверху, рагаццо мио, – донесся до него невозмутимый голос, и то, что произошло далее Мишелю так никогда и не удалось восстановить в памяти – вспоминался только внезапно обрушившийся на голову удар и последовавшая за этим милосердная бесчувственная тьма.

Быстро выхватив меч, рыцарь отвел в сторону сильный, но для опытного воина неопасный удар сверху, и, продолжая движение меча, лишь развернув его плашмя, самым концом

клинк ударил противника в висок. Мишель, даже не вскрикнув, повалился с лошади. Удара о землю всем телом он уже не почувствовал.

Расправившись с заносчивым норманном, рыцарь повернул лошадь к Жаку, который стоял на коленях в пыли и осторожно подтирал с губ кровь. Он видел, что произошло с Мишелем, но чувствовал какое-то обреченное безразличие ко всему на свете, и даже не удосужился подняться, когда рыцарь обратился к нему.

– Очень сожалею, друг мой, что мне пришлось так обойтись с твоим хозяином, но, сам видишь, иначе поступить было никак нельзя. Пусть это послужит уроком молодому баронету, надеюсь, впредь он будет более вежлив и осторожен. Не бойся, ничего опасного его рана не представляет, я намеренно смягчил удар. Луиджи, аютало, – обратился он к своему слуге, молодому загорелому бородачу, и тот, оставив мулов, подбежал к Жаку, помог ему подняться и стал отряхивать от пыли одежду.

Рыцарь собрался было отправиться дальше, но, помедлив, добавил:

– Передай баронету Мишелю де Фармер, пусть шрам, который украсит его висок, напоминает ему о ломбардском рыцаре, сире Марио ди Маргаретти из Турина. Я совершаю паломничество в Лондон, поклониться мощам Святого Томаса Беккета, и буду молиться о вас обоих. По совести, сказать, твоему юному хозяину крупно повезло, другой бы на моем месте просто-напросто зарубил бы его без лишних церемоний. Но я и сам в его годы был безрассудно смел и заносчив, поэтому пощадил его и преподал урок, каких и сам получил немало в свое время.

С этими словами ломбардец, объехав неподвижное тело Мишеля, продолжил свой путь. Луиджи что-то спросил на незнакомом языке, очевидно, осведомляясь все ли в порядке, Жак кивнул и похлопал его по плечу, отпуская догонять хозяина, а потом пошатываясь, подошел к Мишелю.

– Ох, святые небожители, – бормотал Жак, не зная, как подступиться к нему, лежащему ничком на дороге. – Ну, что мне теперь делать?

Из-под виска Мишеля вытекала кровь, образовав в пыли небольшую лужицу. Жак осторожно перевернул его на спину, и к великой радости слуги, тот едва слышно простонал и шевельнул ногой.

– Пустите меня к нему, – раздался вдруг женский голос за спиной Жака, и, оглянувшись, он с удивлением узнал вчерашнюю девицу, из-за которой и произошли все последующие неприятности.

– А ты что здесь делаешь? – оторопело проговорил Жак. – Что тебе надо?

– Лечить буду, – твердо заявила Мари. – Сперва его, потом тебя!

– Да ты... – Жак хотел было взять ее за руку и отвести к обочине, чтоб не путалась под ногами, но девица ловко увернулась и оказалась рядом с Мишелем.

– Не мешай, мне, пожалуйста. Лучше тряпицу чистую найди.

Жак махнул рукой и подошел к своей лошади. По счастью, тканых из льняной пряжи широких и длинных полос было запасено предостаточно, мало ли что в дороге случится... Случилось, вот...

Вернувшись к Мари, Жак с недоверием посмотрел на то, как она, приложив ладонь к виску Мишеля, чуть выше раны, склонилась над ним и что-то приговаривала, беззвучно шевеля губами. Потом она протянула руку, Жак подал ей один из бинтов, и Мари туго перевязала голову Мишеля. Выпрямившись, она посмотрела на слугу, взяла у него из руки лоскут и осторожно оттерла от крови его разбитую губу.

– Вода у тебя есть? – спросила она.

– Вино, – ответил тот. – Иных жидкостей баронет не признает, особенно в пути.

– Ну, как же, козье молоко у меня пил, – возразила Мари и тут же пожалела о сказанном – Жак засыпал ее недоуменными, а потом и гневными вопросами:

– У тебя? Зачем? Когда? Вчера? Ах, ночь провел?..

Мари, поджав губы, некоторое время надменно слушала Жака, а потом с достоинством произнесла:

– Ты сиру Мишелю слуга, а мне не хозяин! Ему вопросы и задавай, если посмеешь!

Жак вновь ощутил смертельную усталость вместе со вселенской тоской и только досадливо отмахнулся:

– Ладно, раз ты такая гордячка, скажи лучше, что теперь делать, куда податься? Боюсь, что, если мы двинемся обратно в замок Фармер, нас оттуда выставят. В «Серебряный щит», разве что...

– Никаких «Щитов»! – решительно отрезала Мари. – Отвезем его ко мне. Там и спокойнее будет, и лечить мне будет сподручнее.

– А ты что, лечить умеешь? – недоверчиво покачал головой Жак.

– Я много чего умею, – состроив загадочную мину, проговорила Мари. – Всего не перечислишь... Давай-ка лучше усадим его на лошадь.

– Усадим, уложим, повесим... – проворчал Жак. Вдвоем с Мари они не без труда взгромили бесчувственное, тяжелое тело Мишеля на нервно прядающую ушами Фатиму, прислонили к шее лошади и для верности обвязали веревкой, нашедшейся в одной из седельных сумок. Свою лошадь Жак привязал к седлу Фатимы, и, придерживая Мишеля с обеих сторон, старый слуга и девушка сошли с дороги, направляясь через поле к лесу.

– Так ты что же, в лесу живешь? – спрашивал по пути Жак, а Мари коротко отвечала:

– Да, в лесу.

– А родители твои кто? Братья, сестры есть?

– Нет никого. Я одна была у мамы, она умерла.

– Так ты одна живешь? – Жак почувствовал прилив жалости к бедной девочке, одиноко живущей в лесной глуши. – А почему в деревню не подселиться к кому-нибудь? Неужели сироту выгонят со двора?

Мари ничего не ответила, только презрительно фыркнула. Помолчав немного, Жак снова заговорил:

– Чем же ты живешь?

– Хозяйство небольшое имею, огород. Дальний родственник приходит помогать. Иногда лечу, люди благодарят...

– А не боишься одна-то в лесу жить? Мало ли, обидеть кто захочет? – Жак живо припомнил гигантскую фигуру распростертого на земле мужика, от которого Мишель ее защитил на свою голову.

– Я сама кого хочешь обижу, – серьезно сказала Мари, но Жак воспринял ее слова как шутку, решив, что девушка попросту храбрится. – Люди вон добрые, – Мари кивнула на Мишеля, – в обиду не дадут.

Жак, рассердившись, брюзгливо спросил:

– И чем же ты отплатила за его доброту, сиротка?

Мари метнула в него злобный взгляд через спину Мишеля, и Жак внезапно споткнулся.

– Чем отплатила, тебе не достанется! – прошипела она. – Лучше под ноги смотри...

* * *

Пламя лампы, колеблемое близким дыханием кого-то, незримо присутствующего рядом. Мягкая складка меха под рукой, фрагмент бревенчатой стены с сухим травяным пучком – скрученные листики и желтые головки цветков. Запах травяного горячего отвара. Пульсирующая сильная боль, паутиной оплетшая голову, с сидящим в левом виске беспокой-

ным пауком; мучительные волны тошноты, подкатывающие к горлу, горький привкус во рту; жажда... пить...

– Пить... – еле слышно прохрипел Мишель, морщась от боли. Мари взяла кружку с отваром, стоящую наготове на табурете у изголовья лавки, и попросила Жака помочь ей приподнять Мишеля за плечи – шея его будто задеревенела и не сгибалась. Половина жидкости пролилась по подбородку на грудь, Мишель сделал несколько длинных глотков, едва не подавившись, и Жак с Мари опустили его обратно на подушку. Тошнота стихла на пару мгновений, но вдруг жаркой волной метнулась к горлу. Жак едва успел повернуть его на бок, а Мари подставить деревянную кадку, как вся выпитая Мишелем вода вывернулась наружу.

– Который раз уже! – в отчаянии воскликнул Жак. – Все отвары твои к чертям, все без толку! Не надо было его поить – только глаза открыл...

– Не верещи, – тусклым усталым голосом бросила Мари, подняла кадку и вышла наружу, в прохладную беззвездную ночь. Выплеснув пахнущую прокисшим элем жижу, она постояла немного у двери, вдыхая свежий ночной воздух. Весь вечер и пол ночи, с того часа, как они с Жаком довели Мишеля до ее домика и уложили на постель, Мари ни разу не присела. Едва только Мишель открывал глаза, как просил пить, стоило ему сделать хоть один глоток, начиналась рвота, а вслед за ней приступ боли, от которого он вновь впадал в беспамятство. Мари металась между Жаком, сидящим у постели Мишеля и поминутно кричащим, что «он, кажется, умирает», и очагом, где готовила отвар из высушенного макового молочка, добавляя в него растрепанные корневища валерианы и то и дело отшвыривая ногой обезумевшую от ее запаха кошку. Вот опять все пошло по новому кругу...

...Стальные нити паутины неумолимо стягивались, паук бешено метался в виске, пытаясь вырваться наружу. Надо выпустить его, пока он не проломил череп изнутри. Выпустите его... Скорее, скорее, иначе паутина разрежет мозг на множество маленьких долек, каждая из которых будет невыносимо болеть...

– Выпустите его... выпустите его... скорее... – стонал сквозь стиснутые зубы Мишель, прижав одну руку к перевязанной голове, а другой шаря в воздухе, будто надеясь ухватить что-то.

– Кого выпустить? Откуда? – срывающимся голосом проговорил Жак, наклонившись к Мишелю. – Мари, сделай же что-нибудь, не стой столбом!

Мари глубоко вздохнула и присела на табурет.

– Все, что могла, я уже сделала. Нам остается только ждать, – произнесла она, глядя, как Мишель замер, погрузившись в бесчувствие. Хотя нет, не все. Но она никогда этого не делала, только наблюдала за матерью, очень давно.

– Чего ждать? – вскричал Жак, вскочил и затряс Мари за плечи, точно тряпочную куклу. – Когда он Богу душу отдаст? Ох, зачем я тебя послушал, девчонку несмышленную! Надо было ехать в «Серебряный Щит», в Фармер, к отцу Фелоту, только не в эту глухомань, где одни волки живут! Ах, я дурак старый!

Жак в бессильной злобе несколько раз шлепнул себя ладонью по затылку, сел на постель к Мишелю и закрыл лицо руками.

К отцу Фелоту? Ну, нет уж! В глубине зрачков Мари вспыхнули узкие язычки пламени и тут же погасли. Надо действовать. Все когда-нибудь делается в первый раз. Мари была уверена, что задуманное осуществится так, как она хочет, иного не дано. Она встала, порылась в маленьком лукошке, стоявшем на кухонном столе и достала толстую шерстяную нить длиной в локоть. Вернувшись, она положила руку на плечо Жака и тихо сказала:

– Жак, милый, очень тебя прошу, выйди на двор. Ты устал, измучился, подыши свежим воздухом...

Старик молча повиновался, не видя смысла спорить с Мари, ему было все равно, что делать, куда идти. Когда он ушел, Мари подошла к изголовью и некоторое время смотрела

на бледное лицо Мишеля с сизоватыми пятнами вокруг глаз. Крепко держа нить за оба конца, она приложила дважды к его голове крест-накрест, будто обмеряя, а потом крепко обхватила голову обеими руками. Задержав дыхание и закрыв глаза, сосредоточив все свое существо на ладонях, Мари коротко и сильно сдавила голову Мишеля, потом переместила и снова стиснула руки. Выпрямившись, она несколько раз глубоко вздохнула, взмахнула кистями, стряхивая дрожь, и взялась за нить.

– Получилось... – прошептала она и, вдруг почувствовав страшную усталость, рухнула на табурет, прислонясь к стене.

Жак тихо вошел в отгороженный закуток, посмотрел на Мари и погладил ее по растрепанным волосам.

– Бедная девочка, крутится целую ночь, из сил выбивается, и зачем только накричал на нее... – бормотал сам себе вполголоса Жак, оправляя смятую постель под Мишелем. – С рассветом надо везти баронета в замок Бреаль, нельзя его тут в глуши оставлять, и пусть барон заткнет за пояс свои недовольства по поводу убитого мужика. Что ж это, выходит, рыцарь обманул, говоря, что рана не страшная? Он, небось, по себе судил, голова-то у него сотни раз битая, вот и крепкая как камень... Ох, будь оно неладно все это путешествие!.. И в груди опять давит, дышать нечем...

– Мари, дочка, иди, приляг, ты уже ног под собой не чувствуешь, – обратился Жак к Мари.

– Да, теперь я могу, – словно во сне, проговорила Мари, едва разжимая губы. – Я сделала это, и теперь все будет хорошо...

Жак уже давно чувствовал удушливую тяжесть в груди, но сейчас сердце будто сдавила ледяная неумолимая рука, и в горле застрял упругий ком. Он нашарил позади себя постель и осторожно опустился на лавку в ногах Мишеля, прижимая руку к груди. Очнувшись, Мари взглянула на него и вскочила.

– Жак, Жак, что с тобой? Сердце?

– Да... – выдавил слуга, прислонившись к бревенчатой стене. Холодная клешня то сжимала, то отпускала бьющееся, как птица в кулаке, сердце, причиняя острую боль, и с каждым разом сжатие длилось дольше и мучительнее.

– Я сейчас, сейчас!

Мари кинулась к травяным пучкам, заметалась, не понимая, какую же взять, потом схватила горшочек с сушеными листьями белладонны, бросила их в еще не остывший маковый отвар, приготовленный для Мишеля, растерла листья в кашу и вернулась к Жаку. Вглядевшись в бледное лицо старика с выступившими на лбу бисеринками пота и посиневшими губами, она поняла, что зря суежилась с питьем – в таком состоянии он не смог бы сделать и глотка. В отчаянии она бросила глиняную кружку на пол, кинулась к Жаку и положила на него ладони – одну на грудь, а другую под спину. Она вдруг увидела ледяное пятно, расплывающееся по живому трепещущему куску плоти, а с кончиков ее пальцев сорвались тонкие огненные молнии. Оставалось только, приложив руки, растопить терзающую теперь не только Жака, но и ее саму боль. Не глазами, не наяву, а внутренним взором, проникающим намного глубже в суть вещей и явлений, Мари видела борьбу нарастающих на сердце морозных узоров и язычков пламени, источником которых были ее руки. Постепенно лед отступил, Жак задышал ровно, лицо его порозовело, смертельное беспомыслие не без помощи Мари сменилось глубоким целительным сном.

Опустошенная, обессиленная, она, слабо цепляясь рукой за стену, медленно опустилась на пол. Думать о том, что она сделала, сил уже не оставалось. Мари с трудом приподнялась, доковыляла до лавки, легла прямо на голые доски и, едва сомкнув веки, крепко уснула.

* * *

Жак проснулся от ноющей боли в затекшей шее – он сидел в неудобной позе в углу на постели рядом с Мишелем, прислонясь плечом к стене. Но беспокоила его сейчас только эта боль, тяжесть отпустила сердце, и Жак без труда вспомнил, как это произошло.

«А девочка-то – ведьма», – подумал Жак и встал, кряхтя и постанывая. Выходит, не грешил против истины отец Фелот, потчuya его байками о всяческих ворожеях. Ведьма-то она ведьма, да, похоже, спасла его, Жака, от смерти, сердце на этот раз прихватило не на шутку. Ишь, ладони приложила, и все прошло, будто и не бывало. Тут Жак, спохватившись, быстро оглянулся на Мишеля. Он спокойно спал, только на лицо его было страшно и больно смотреть – серовато-бледное, глаза в темных кругах, губы запеклись. Потирая поясницу, Жак вышел из закутка и увидел Мари, свернувшуюся клубком на лавке, точь-в-точь как серая кошка, прикорнувшая у ее ног.

– Ладно, пусть спят, – сказал самому себе Жак. – Сон все лечит...

...Расколовшийся на тысячу кусков мир канул в непроницаемую мглу, его отдельные фрагменты медленно всплывали к свету, становясь узнаваемыми и понятными. Первый из этих осколков, возвращавших по частицам сознание Мишелю, обернулся болью, которая привиделась пауком, сидящим в раненом виске и стянувшим паутиной мозг. Когда боль достигла крайнего, невыносимого предела, горячие руки дважды сжали голову, и мучительный осколок отпал, вновь погрузившись во мрак.

Прошли мгновения или тысячелетия прежде, чем разбросанная мозаика вновь начала собираться, и на этот раз боли не было. Постепенно возвращалось осознание себя самого, себя в пространстве, среди предметов. Мишель обнаружил, что лежит на широкой лавке, застеленной мягкой периной, укрытый меховым покрывалом, и место это было ему знакомым, только пока еще не пришло нужное воспоминание. Разрозненные, не связанные смыслом между собой живые картинки кружились перед мысленным взором, как снежные хлопья в ночном небе. Вот одна из них медленно проплыла: пахнувшая навозом и потом грива лошади, жесткий волос, трущийся о щеку, и упругая, размеренно двигающаяся мышца под лоснящейся черной шкуркой. Вот другая: поблескивающее масло и колеблемое дыханием узкое пламя фитиля. Странное ощущение – помнить какие-то отдельные фрагменты – запах конского волоса, или цвет пламени в разных его частях, и не знать их общего смысла, соединяющего эти предметы и впечатления событий...

Послышалось короткое мяуканье, и кто-то легкий на мягких пружинистых лапках прыгнул в постель, прошелся по одеялу. Мишель захотел приподнять голову и посмотреть на неожиданного гостя, но шея будто превратилась в стальной стержень, а в виске вновь проснулся паук. «Никакой это не паук, это просто болит рана, которую нанес смуглый рыцарь. Ну вот, наконец-то, раздробленные части мозаики начали собираться в более-менее ясный рисунок. Мы направлялись в Аржантан, встретили по дороге рыцаря, южанина, а может быть даже сильно загоревшего под солнцем Заморья. Конечно же, надо было испытать судьбу и вызвать благородного сира на поединок. Что же произошло дальше? Здесь цепь событий обрывалась, и оставалось только догадываться о случившемся. Скорее всего, рыцарь ударил в висок, я потерял сознание, Жак меня куда-то повез, потом была тошнота и боль, бревенчатые стены вертелись и качались из стороны в сторону, как сумасшедшие... Хотя нет, это у меня голова кружилась. Куда же Жак меня устроил? Все здесь так знакомо, особенно мурлычущий зверек, сучащий когтистыми лапками по ноге. Я даже знаю, что это или серая кошечка, или черно-белый котенок с пятнышком возле носа. Его зовут Пятик, потому что последним родился, пятым. Имя придумала... придумала... Мари! Девушка со множеством обликов. Это ее жилище! Но откуда Жак знает, где она живет?»

Мишель очень тихо, боясь, что голос тоже разбудит боль, позвал:

– Жак...

Что-то упало, покатилося, звонко подпрыгивая, послышались торопливые шаги. Взвилась занавеска, и к постели Мишеля подбежал взволнованный Жак.

– Очнулись? Как вы себя чувствуете? Слава Всевышнему, я так боялся... Я и сам-то, за вас переживая, чуть Богу душу не отдал, да Мари вызволила... Что-нибудь желаете?

– Желая, чтобы ты не тараторил так громко... – Мишель говорил отрывисто, короткими фразами, переводя дух после каждой. – Расскажи, почему мы здесь... Где Мари...

Жак, согнав недовольно заворчавшую кошку, оправил покрывало, подоткнул сбившуюся простынь и присел на краешек постели. В двух словах, не утомляя Мишеля подробностями, он рассказал, что было с того момента, как баронет слетел с лошади в дорожную пыль. Не забыл поведать и о чудесном исцелении, которое причинила Жаку Мари.

– Вот как, выходит, что Мари – колдунья, но добрая, или по молодости не научилась еще силу свою во зло обращать.

– Не научили... – поправил Мишель. – Где она?

– Да спит, – Жак махнул рукой назад. – Намаялась вчера, когда за вами ухаживала. Уж вас и рвало, и бредили вы, все кого-то выпустить просили... Лучше и не вспоминать!

– Паука, – чуть слышно произнес Мишель, вспоминая, как чьи-то руки (нет, это были, без сомнения, руки Мари) коротким усилием раздвинули череп, и паук выбрался на свободу, унеся с собой свою стальную паутину, а потом сдвинули обратно.

Мишель вновь предпринял попытку приподняться, но стена перед ним резко качнулась.

– Лежите, лежите! – засуетился Жак, укладывая Мишеля обратно на подушку. – Вам совсем нельзя двигаться, понимаете, совсем! Так сказала Мари. Она еще оставила какой-то настой, будете пить?

Мишель коротко кивнул, и Жак принес глиняную кружку.

– Мари велела пить медленно, очень маленькими глотками, – увещевал Жак, осторожно вливая Мишелю в рот из ложки горькую беловатую гадость. Мишель мучительно кривился и передергивался от отвращения, но пил. Некоторое время он лежал неподвижно, едва дыша, чтобы не всколыхнулась опять тошнота, и, убедившись, что на этот раз выпитая жидкость достанется ему, а не деревянной кадке, глубоко вздохнул.

– Мари велела... – усмехнулся одним уголком рта Мишель. – Ты, я смотрю, у нее на побегушках, а, Жак?

– А коли дело говорит, то почему бы и нет? – подхватил его незлую издевку Жак. – Ну, ваша милость, вы шутить начали, значит, на поправку пойдете!

– А я и на собственных похоронах шутить буду, – вздохнул Мишель.

ГЛАВА ПЯТАЯ КРАСНЫЙ ПЕТУХ И МОРСКОЙ ЗМЕЙ

*Причудливы нашей судьбы пути:
Мать должна отца нам найти,
Прежде чем нам появиться на свет.
Еще найдет ли, а вдруг и нет?..»⁶*

Мари де Франс

Весь день Мишель пролежал в постели. Это обстоятельство невероятно злило его: первый настоящий поединок, не игрушечные турниры с соседскими баронетами, а честный бой... и на тебе, по нужде без посторонней помощи не сходить! Позор! Но как не распекал он себя за немощность, все попытки самостоятельно передвигаться заканчивались приступами головокружения, а иногда и рвотой. После таких неудач Мишель впадал в злобную раздражительность, рывкал на Жака и отказывался пить отвары Мари, один противнее другого, которыми она его добросовестно пичкала. К концу следующего дня он уже мог вставать сам и решительно отказывался от услуг Жака – перебирая руками по стенке, выходил во двор самостоятельно.

Постепенно прояснялась память, словно облака с неба после грозы, сходили с прошлого темные пятна. Всплыла из забвения и небывалая ночь снов наяву. Обнаружив это воспоминание, Мишель по-прежнему не знал, было это на самом деле или являлось лишь отражением мыслей Мари в его воображении. Да и вообще такие сны бывают от длительного воздержания, чего в жизни Мишеля отнюдь не наблюдалось. Он хорошо помнил яркую нравоучительную проповедь отца Фелота, которую он сам же позже назвал «нравораствительной» – реакцию на первое признание Мишеля в грехе прелюбодеяния. В ней, в числе прочего, рассказывалось об искушениях, являющихся молодым монахам во снах, и Мишель только ухмылялся – конечно, будет тебе сниться, если годами плоть усмирять...

Нет, без сомнения, все было на самом деле, просто Мари опять скрылась под одной из своих личин – была сдержанно заботлива и холодна. Зачем? Разве он обидел ее? Или Жака смущается... Мишель твердо решил все прояснить.

Был теплый солнечный вечер, легкий ветер приносил запах холодной влажной земли и смолистый дух раскрывшихся почек. Деревья и кусты покрылись нежной зеленой дымкой проклюнувшихся листков, между корней, как белые островки снега, виднелись подснежники, выросшие естественно, без колдовства... Мишель долго сидел у порога, прислонившись к дверному косяку, вдыхая свежий воздух и слушая возбужденный птичий гомон. Мимо него прошел в сторону сарая Жак со скребницей в руке, не забыв справиться о самочувствии и спросить, не надо ли чего. Подходящий момент... Мишель медленно поднялся, переждав головокружение, поплелся к постели. Когда, спустя некоторое время Мари вошла к нему с очередной порцией пахучей травяной смеси, Мишель протянул руку и положил ладонь на талию девушки. Та вздрогнула, резко отстранилась, расплескав питье, и глухо проговорила:

– Сир, я вижу, вы совсем поправились...

– А что такое? – невозмутимо спросил Мишель, поймав Мари за руку, попытался подтянуть ее к себе, но она вновь вырвалась, со стуком поставила кружку на табурет и убежала.

Вот змеюка! Мишель со злостью ударил кулаком по перине. «Ишь ты – пальцем тронуть ее нельзя. Да кто она вообще такая, чтобы ломаться тут передо мной, баронским сыном? Вот

---

⁶ Перевод В. Долиной

сейчас встану, схвачу в охапку да в постель, и пусть пикнуть попробует! Строит из себя сказочную принцессу, а сама в хлеву живет... Ух, ведьма, одно слово – ведьма!»

Немного поостыв и сделав пару глотков из кружки, Мишель направил свои мысли в иное русло. А что если Мари... стыдится, что ли, себя самой? Она необычна, не такая, как все, и, сознавая это, не хочет показаться обыкновенной деревенской девицей. Вот и обращаться с ней нужно иначе. Вдруг она сама – дочь благородного?

Мишель с интересом ухватился за эту неожиданную догадку. Такое вполне возможно – проезжал через лес какой-нибудь рыцарь, раненый или просто уставший, набрел на лесную избушку, где жила мать Мари, остановился у нее. Потом отправился дальше, а спустя положенный срок появилась на свет Мари. Вот откуда у нее такой независимый нрав, гордость, разумная речь – благородная кровь дает о себе знать. А я ее – в постель...

Мишель допил отвар, некоторое время полежал, прислушиваясь к шагам Мари за занавеской, и, наконец, решил позвать ее. Она сразу же вошла и остановилась, не приближаясь к постели.

– Мари, прости меня, – Мишель заговорил первым, потому что девушка сохраняла каменное молчание, ожидая его приказаний. – Я опять ошибся, ты ведь меняешься каждый миг...

– Не понимаю, о чем вы говорите, – пожала плечами Мари, наматывая на указательный палец кончик косы и не поднимая на Мишеля глаз. – Я простая крестьянская девушка...

– Да нет, – перебил ее Мишель. – Меня не обманешь. Думаешь, я ничего не помню? Как ты «рассказала» мне про свою мать – усыпила и приснила все, что не могла поведать словами; как пришла ко мне ночью, и что было потом. Или ты надеялась, что я забуду *такое*? Зачем ты это сделала?

– Не знаю, – совсем тихо сказала Мари.

– Ну вот, – с легкой обидой в голосе сказал Мишель. – Ты же не безумная, в конце концов...

– Не знаю, – повторила Мари.

– Сядь сюда, ко мне, – Мишель положил ладонь на постель. – Не бойся, я ведь обещал тебе, еще тогда.

Мари послушалась, присела на краешек ложа. «Опять она замкнулась в себе, будто улитка в раковине», – подумал Мишель, – «Опять придется вытягивать из нее по слову... Не хочет она довериться мне».

– Ты что-нибудь знаешь о своем отце? – спросил он, не надеясь получить ответ, разве что в каком-нибудь увлекательном сне, но Мари неожиданно начала рассказывать:

– Мама никогда не говорила мне о нем, даже когда я настойчиво выпытывала. Тогда я придумывала о нем разные истории, одну необыкновеннее другой. Я всегда чувствовала себя отличной от других детей, иногда в чем-то ущербной, иногда – наоборот, одаренной, и потому мне хотелось думать, будто мой отец был благородным, ведь так часто бывает, когда отец неизвестен. Как-то раз я рассказала маме одну из своих сказок о нем – про прекрасного рыцаря, отправившегося в Святую Землю и погибшего там в схватке с сарацинами, и она глубоко задумалась, весь вечер почти не говорила со мной, а ночью я слышала, как она тихо плачет. Однажды, уже после ее исчезновения, я нашла несколько досок с вырезанными на ней рисунками...

– Да, я видел, – Мишель вспомнил две длинные доски, висевшие над окном. На черной поверхности тонким резаком были выведены белые рисунки: на одной доске – черноволосый рыцарь по пояс, со шлемом в руке, а на другой – могильный холм с воткнутым в него мечом, а над могилой склонилась женщина... Поначалу сюжеты показались странными, но теперь угадывалась связь. К тому же, у девушки были длинные белые волосы.

– Есть еще, если вы не против, я покажу, – сказала Мари и, не дожидаясь ответа, вышла. Некоторое время спустя она вернулась, держа в руках несколько маленьких, размером с ладонь, досочек. Мишель долго рассматривал картинки, по сюжетам повторявшие те, что висели на стене: все тот же статный рыцарь и та же могила с мечом вместо креста. Разве что позы и одеяния персонажей менялись, а на одном из резных рисунков Мишель без труда узнал лицо женщины, виденное во сне. Несколько рисунков были незакончены – вырезаны только лица, одежды намечены контурными линиями. Лишь на одной доске была изображена олениха с детенышем, и отдаленный силуэт оленя с ветвистыми рогами, плавно сливавшимся с узорчатой листвой деревьев.

– Выходит, ты угадала? – возвращая картины Мари, спросил Мишель.

– Наверно, – сказала Мари. – А, может быть, и нет.

– Я думаю, угадала, – решительно произнес Мишель. – Я ведь тоже подумал, что ты не простая крестьянка. Говоришь ты умно, красивая – многие благородные дамы бы от зависти умерли, пощечину вот мне залепила.

– И еще залеплю, если захочу, – лукаво усмехнулась Мари. – Что ж, теперь мне делать, благородной такой? Пойти к какому-нибудь вельможе и сказать: вот, дескать, я дочка крестноносца, постройте мне замок, и я буду жить там... Всяк сверчок знай свой шесток, сир. Лучше я буду жить себе в своем домике...

– И проезжих баронетов совращать, – Мишель бережно взял Мари за руку, и та не стала сопротивляться. – Ну, и что же ты недотрогу строишь из себя?

– Я проверяла вас, – просто ответила Мари. – Хотела узнать, отнесетесь ли вы ко мне, как к...

– Как к шлюхе? – dokonчил Мишель и вдруг громко расхохотался. Мари, тоже засмеявшись, закрыла ему рот обеими ладонями, но он, схватив ее за запястья, проговорил сквозь смех:

– Лучше бы ты заткнула мне рот более приятным способом!

Мари быстро глянула на занавеску, прислушалась, а потом крепко поцеловала Мишеля прямо в губы.

– Вот так? – спросила она, выпрямившись и приглаживая растрепавшиеся волосы. Щеки ее покраснелись, глаза блестели, – Мишель понемногу стал узнавать в ней *ту, ночную* Мари.

– Замечательно! – выдохнул он. – А скажи-ка мне, скольких же доблестных сиров ты принимала в своей избушке?

– Никого я не принимала, – Мари в притворной обиде надула губки. – Тут постоянный двор недалеко, да и замок барона де Бреалья. И потом не каждый же меня спасал от Жана...

Дверь скрипнула, – в дом вернулся Жак и позвал Мари. Та стремительно вскочила, быстро оправила платье, схватила кружку и вышла.

* * *

В крошечной темноте все звуки казались особенно четкими и громкими. Мишель сразу же услышал легкие шаги, шорох ткани, пахнувшая травами прядь волос скользнула по лицу, и прохладные губы коснулись щеки.

– Мари? – шепотом спросил Мишель, хотя в этом не было никакой надобности. – А Жак?

– Он спит, – прошептала Мари и скользнула под меховое покрывало. – Я подмешала ему в сердечный отвар добрую порцию макового молочка, так что он теперь не проснется до утра, хоть в ухо ему свисти.

Сквозь тонкое полотно рубашки Мишель ощущал горячее тело Мари, прильнувшей к нему, руки ее осторожно блуждали по его лицу, груди, шее.

– Опять завтра будешь изображать монашку? – прошептал он, касаясь губами ее виска.

– Это для Жака, он у вас строгий такой, – тихо засмеялась Мари и потерлась носом о щеку Мишеля. Повернувшись на бок, он обнял ее, провел ладонью по всему телу, восхищаясь удивительно нежной кожей.

– Какая ты красивая, – шепнул Мишель.

– Ты тоже, – отозвалась она...

...Мишель, истомленный и обессиленный, уже погружался в сон, когда почувствовал, что Мари приподняла с его плеча голову и настороженно прошептала:

– Ты слышишь?

Мишель привстал, опершись на локоть, и прислушался. Со двора доносился непонятный шорох, кто-то возился возле стен, можно было уловить негромкий людской гомон.

– Что это?! – уже в полный голос вскрикнула Мари. Темнота сменилась красноватым колеблющимся свечением, будто вокруг дома горели костры или факелы. Мишель, забыв про осторожность, быстро вскочил, резко качнулся в сторону, чертыхаясь и ругая на чем свет стоит проклятого ди Маргаретти, нашарил в темноте камизу и вышел из-за занавеси. Глянув мельком в окно, он увидел людские фигуры с факелами, окружившие дом. На лавке спал мертвецким сном Жак, плащ, которым он укрылся, сполз на пол, и на нем уютно устроилось кошачье семейство. Кошка широко раскрытыми глазами смотрела в окно, а, увидев Мишеля, испуганно встрепенулась, прижав уши.

Скорее всего, вокруг дома собралось мужичье, непонятно, правда, для чего, у них могут быть ножи, а кольчуга в одной из седельных сумок, рыться в темноте сейчас недосуг. Мишель отыскал пояс, проверил наличие на нем меча и кинжала, надел его прямо поверх рубашки и, ударом ноги отворив дверь, вышел в прохладную ночь.

Дюжины две крестьян толпились во дворе, некоторые рассыпали под стенами пучки сена. Заметив появившегося на пороге Мишеля, они загомонили громче, подняли факелы, освещая его.

– Что вам здесь нужно? – рявкнул Мишель, шурясь от яркого света. – А ну пошли по домам!

– Ведьму! – крикнул кто-то, а остальные яростно подхватили: – Да, да, ведьму нам сюда!

– Нет здесь никаких ведьм! – Мишель для убедительности выдвинул меч ладони на две из ножен и со стуком загнал обратно. – Идите к бабам своим, проспите! Кому сказано!

Из толпы выбрался здоровенный косматый мужик в мятой грязной рубахе, телосложением напоминавший убитого Жана, приблизился к Мишелю и пробасил:

– Она извела моего брата! Жан добрый был, дружил с ней, а она извела его до смерти, извела... Теперь ей не жить! Мы и ее изведем!

– Красного петуха пустим! – поддакнул скрипучий старческий голосок.

– Я его убил, а не она извела, – медленно и внятно произнес Мишель. – Я, понятно тебе? Шли бы вы все отсюда, пока я не рассердился. А то тем же самым мечом, что Жана, и вас всех зарублю! – кинжал перекочевал из ножен в левую руку Мишеля. Увидев блеснувшее лезвие, большая часть мужиков отступила назад, однако, старший, судя по всему, брат Жана остался стоять на месте.

– Она все равно виновата, – упрямо твердил он. – Мы пришли известить ее, а вас, господин, не тронем.

– А я вас трону! – грубо бросил Мишель и, выхватывая меч, сильно ударил крестовиной волосатого громагу в лоб, отчего тот осел и плюхнулся задом на землю. Крестьяне, сгрудившись плотной кучкой, молча смотрели на охающего брата Жана, и вдруг к нему подскочил худосочный рыжий мужичок с реденькой клочковатой бородой и, тыча в Мишеля пальцем, завопил, захлебываясь и скаля желтые зубы:

– А-а-а! Эта потаскуха его околдовала! Это они, ведьмы, хорошо умеют – затуманят разум красотой дьявольской и пропал человек! Он убил Жана, покалечил Пьера, и хочет нас всех на куски изрубить по ее наущениям! Надо его связать и в церковь отвести! Пусть молитву над ним очищающую читают!

Мужичок вскинул тощие руки, закатил глаза и козлиным голосом затынул на непонятный мотив:

– С нами Бо-о-о-г!..

Мишель, подумав, что может ненароком выбить дух из тщедушного тела, только широко замахнулся, и этого оказалось достаточно, чтобы рыжий рухнул на спину, вереща и защищаясь руками и ногами, будто много раз битый трусливый пес перед человеком, поднявшим палку или камень.

– Кто следующий? – процедил Мишель, поигрывая мечом.

– Что они хотят? – Мишель обернулся и увидел совсем близко бледное, в шафранных отблесках огня лицо Мари, она испуганным взглядом окидывала толпу во дворе, крепко вцепившись в плечо Мишеля.

– Сиди в доме и не высывайся, – сухо сказал Мишель, убирая ее руку со своего плеча. – Я сам разберусь.

– Я разбужу Жака? – Мари медленно отступала назад, не сводя глаз с возбужденно гомонящих мужиков.

– Не надо, иди!

Едва Мишель произнес эти слова, как кто-то завопил:

– Вон она! Лови ведьму! – и толпа, точно единый огромный зверь, кинулась к Мишелю. Описав в темном небе огненную дугу, упал под окном факел, и разбросанная солома тотчас же занялась, ярко осветив расчищенную площадку вокруг дома. Крестовиной меча в зубы, в висок, в скулу, ногой в чей-то живот, – стараясь не проливать крови, Мишель спокойно отбивался от лезущих через головы друг друга мужиков, стремящихся во что бы то ни стало пробраться в дом. Кто-то уже корчился на земле, кто-то убегал прочь, в глубину леса. Вдруг краем глаза Мишель увидел, как мелькнуло костлявое запястье, крепко сжатый тесак, какими рубят мясо, и ухмыляющуюся физиономию рыжего мужичка. Повернув руку, Мишель рубанул наугад клинком, и вслед за глухим звуком рассекаемой плоти раздался жуткий вопль. Поливая хлещущей из отрубленной кисти кровью все вокруг, рыжий заметался среди мужиков, потом рухнул на землю, покатился в одну сторону, в другую, не переставая истошно визжать. Расступаясь, притихшие крестьяне глядели то на несчастного товарища, то на Мишеля, который, тяжело дыша, исподлобья оглядывал кучку застывших от ужаса людей. И, словно сговорившись, они повернулись и быстро пошли прочь, оставив хрипло стонущего рыжего на произвол судьбы. Никто из них ни разу не оглянулся.

Прогоревшая солома светилась в темноте красноватыми искрами, огонь не успел подобраться к стенам, да и не взять было жарким языкам влажной древесины, и пожара, по счастью, не случилось.

Разбуженный криками Жак, с трудом справляясь с сонной слабостью, появился в дверном проеме.

– Что здесь происходит? Кто это? Почему он кричит? – Жак разглядел рыжего мужика, который уже не имел сил кричать, а лишь тоненько скулил сквозь стиснутые зубы, крепко сжимая второй рукой окровавленный обрубок. Чуть поодаль, втоптанная в землю, лежала отрубленная кисть руки, скрюченные пальцы продолжали сжимать тесак.

– Уже ничего не происходит, – устало выдохнул Мишель, оттирая рукавом пот с лица. Он чувствовал легкую дурноту, заново начал ныть висок. – Позови Мари, пусть лоскутов захватит.

Рыжий впал в беспокойное беспомыслие, мотая головой и подергиваясь всем телом, пока Мари туго перевязывала культю.

– Что нам с ним делать? – спросила она, подняв глаза на Мишеля.

– Домой отправить, – буркнул он, присел над мужиком и звонко хлопнул его по щеке. – Эй, ты, рыжий, ну-ка вставай да иди восвояси.

Рыжий приоткрыл глаза, поворачивал ими, едва соображая, что происходит, и где он находится. Мишель еще раз крепко хлестнул его по обеим щекам и велел Жаку принести воды. Только после того, как холодные струи обильно смочили плешивую голову рыжего, он более осмысленно посмотрел вокруг, узнал Мишеля, испуганно шарахнулся назад, но задел перевязанный обрубок и вскрикнул от боли. Поднеся к глазам культию, он дрожащим голосом проговорил:

– А где моя рука?

– Вон валяется, – Мишель указал на отсеченную кисть. – Забирай ее и уходи. И скажи своим, чтобы больше здесь не появлялись никогда.

Придерживая за шкирку, Мишель помог мужику подняться. Прижимая кусок своей плоти, беспрестанно оглядываясь и спотыкаясь, рыжий побрел прочь.

Мари, уже знавшая, по чью душу приходили крестьяне, смотрела рыжему вслед со смешанным чувством жалости и ненависти – жаль было покалеченного мужичка, больно ему, как бы не помер, столько крови потеряв, но и злобы было предостаточно. В который раз люди платят ей черной неблагодарностью, обвиняют в несуществующих преступлениях. Если бы не Мишель, гореть ей заживо в собственном доме...

Звезды на небе потускнели, на востоке показалась над деревьями светлая полоса. Ночь близилась к концу, когда трое усталых человек вернулись в дом. Жак, все еще пребывавший под действием макового сока, сейчас же улегся на лавку и заснул. Мишель и Мари сидели рядом на постели, девушка, спрятав лицо на его груди, судорожно всхлипывала, а Мишель пытался успокоить ее.

– Все уже позади, не надо плакать...

– Почему они так ненавидят меня? – пробормотала Мари, тщетно стараясь унять подступавшие к горлу рыдания.

– Потому что ты не такая, как они, – Мишель гладил ее по плечу и легонько покачивал. – Кому же понравится, если кто-то умнее, красивее? Они глупые, мыслишки у них только вокруг поля, огорода да избы и крутятся, если случается нечто непривычное, необычное, они пугаются и стараются избавиться от непонятного. Мужики просто боятся тебя.

– Рыжего того жалко... – неожиданно сказала Мари. – Помрет ведь...

– Нашла, о чем беспокоиться! – пожал плечами Мишель. – Тебе что за дело? Одним рыжим больше, одним меньше, какая разница?

Мари подняла на него заплаканное лицо и вдруг засмеялась.

– Вот, совсем другое дело! – обрадовался Мишель и поцеловал ее в мокрую от слез щеку. Но Мари опять помрачнела, прикусила губу, пытаясь не расплакаться, и сдавленно проговорила:

– Ты уедешь, а мне тут одной жить... Погубят меня...

– Да они теперь и смотреть-то в сторону леса не станут, – воскликнул Мишель. – Если хочешь, напишу письмо домой, Виглафу, накажу ему... – тут Мишель осекся, поняв, что проговорился. Мари вскинулась, пристально глядя ему в глаза.

– Виглафу? Ты его знаешь?

– Ну, знаю, – смущенно улыбнулся Мишель. – Сколько и ты, знаю, с рождения... Что ты так испугалась? Это из нашего замка он к тебе ходит. Он мне даже говорил, что в одной из дальних деревень у него живет племянница. Вот я и увидел эту самую племянницу.

– А я понять не могла, что с тобой случилось, когда я про него рассказала... Виглаф мне тоже рассказывал про баронского сына, которого учит уму-разуму, – Сорванец, говорил, еще тот. Вот и встретились...

Они помолчали немного, и Мишель, неожиданно для самого себя, спросил:

– А что случилось с Евой после того, как она превратилась в кошку?

Мари грустно усмехнулась:

– Ты все еще помнишь сон?

– Такое забыть невозможно, – покачал головой Мишель. – Я не спрашиваю, как ты это сделала, мне просто хочется знать, что стало с твоей мамой.

– Она тогда исчезла, и ее не было так долго, что я едва не погибла от голода. Съела все запасы еды, курицу зарезать боялась, а в деревню идти – и того пуще. Как же мне было страшно одной в доме посреди леса, особенно ночами... Виглаф вовремя пришел. Потом она вернулась, но жизнь в ней будто начала затухать, пока не погасла совсем, спустя год. Нам не разрешили похоронить ее на деревенском кладбище, мы с дедом... я Виглафа всегда дедом называла... похоронили ее тут недалеко, на поляне. После я и обнаружила в себе все это...

– Как же ты выжила одна, такая маленькая? – спросил Мишель.

– Виглаф намеревался забрать меня к себе в замок, но я не хотела покидать наш с мамой дом – мне все казалось, что она может вернуться, а кто захочет возвращаться туда, где никто не ждет... Были в деревне женщины, которые жалели меня и помогали, дед часто навещал, да и люди, прознав, что я умею лечить, стали обращаться за помощью, и, как маме, подкидывали узелки с едой... Жить одна я привыкла и уже не боялась, лес меня полюбил и оберегал.

Рассвет неторопливо прогонял ночную тьму, птицы проснулись и оглашали лес звонкими трелями, бледно-серое небо постепенно голубело, а Мишель и Мари, обнявшись под одеялом, все еще продолжали разговор, раскрывая друг другу, лист за листом, летопись своих коротких молодых жизней, чтобы потом, расставшись, перечитывать их на досуге, вспоминая краткие мгновения душевной близости. Лишь когда солнечные лучи прорезали застоявшийся между ветвей полумрак, усталость взяла свое, и они заснули, так и не раскрыв объятий.

Так и застал их Жак, когда отошел, наконец, от тяжелого глубокого сна ближе к полудню.

* * *

Утром четвертого дня пребывания в домике Мари, решено было отправляться в путь. Головокружение и тошнота уже не беспокоили Мишеля, рана на виске затянулась и начала подживать, так что повязка больше не требовалась. Но Мари все же собрала узелок, положив туда несколько пузырьков с привязанными к горлышку лоскутками кожи, на каждом из которых Мишель со слов Мари, не умевшей писать, нацарапал краткое указание: «Сердце», «Голова», «Для сна», «От поноса»; завернутые в тряпочку травяные пучки, две-три берестяные коробочки с мазями.

Еду, что была привезена из Фармера, почти всю съели, но до Аржантана оставшегося и приготовленного Мари вполне должно было хватить, однако, накануне днем Мишель все же отправил недовольно ворчавшего Жака в «Серебряный Щит» за вяленой рыбой и вином. Старый слуга без труда догадался, для чего на самом деле баронет хочет спровадить его подальше, но высказывать свое возмущение поведением Мари и господина не осмелился.

Когда Жак расплачивался с Жилем за провизию, тот неожиданно вручил ему кошелек с немалым количеством монет и рассказал, что третьего дня в его трактире остановился некий известный трувер, прочитал вырезанную на столе поэзию Мишеля, пришел в восторг и немедленно потребовал найти автора. Поскольку Рыжий Жиль понятия не имел, куда отправился Мишель де Фармер, но был знаком с его родственниками и домочадцами, трувер пожелал купить эти стихи, чтобы сочинить песню: он переписал их себе, оставил Жилю кошелек и пообещал, что непременно найдет способ проверить, получил ли автор свое заслуженное вознаграждение. Жак не стал проверять трактирщика на честность, однако тот попросил передать Мишелю, чтобы в следующий раз, когда он соизволит посетить «Серебряный Щит», пусть

обязательно сочинит и вырежет на другом столе что-нибудь еще. А чтобы письма были видны лучше, Жиль аккуратно замазал буквы белой глиной – труверы и жонглеры нередкие гости в его хорошо известном постоялом дворе, а баронет де Фармер свою долю уже получил...

Вернувшись, Жак застал Мишеля и Мари за вполне невинными занятиями: оба сидели за столом, девушка, тихо напевая, что-то зашивала, а Мишель, раздобыв старый, многократно мытый кусок пергамента, растрепанное перо и чернильницу, что-то писал. Когда Жак рассказал историю с трувером, Мишель заявил, что неплохо бы брать со стола ренту, и побольше, а Мари посоветовала ему непременно стать знаменитым трувером и заткнуть за пояс всех тех, кто покупает чужую поэзию, не умея сочинять свою. Переданный трувером кошелек Мишель, не принимая ничьих возражений, решил оставить Мари.

– Я написал письмо отцу, ты с ним отправишься в замок Фармер. Там тебя должны принять; о твоём возможном происхождении я тоже написал, так что думаю, на кухне работать не заставят. Мой отец очень добр к незаконнорожденным... Будешь в безопасности, рядом с Виглафом...

– Да-да, – нараспев подхватила Мари, сложив на груди руки и мечтательно закатив глаза. – Потом вы вернетесь из Заморских земель, украшенный шрамами, в ореоле славы, и женитесь на мне! Какая прекрасная баллада! Ах!.. – она печально вздохнула и тут же рассмеелась.

– Ничего смешного здесь не вижу, – без тени улыбки ответил Мишель. – И жениться не обещаю. Я дал слово защитить тебя, вот и держу его. Если ты останешься жить здесь, никто не поручится, что мужики не продолжат досаждать тебе. А на замок войной они всяко не пойдут – кишка тонка. От досужей болтовни ты, я думаю, сама отобьешься, если что – Виглаф глянет на сплетниц, они и языки проглотят.

– Ну, глядеть-то я и сама умею, – серьезно сказала Мари. – А куда хозяйство свое дену, овец, козу?

– На несколько дней оставишь, ничего с ними не случится, а потом можно будет и в замок пригнать. Или продашь кому-нибудь, – Мишель свернул пергамент и протянул его Мари. – Держи, да смотри не потеряй.

Наконец, все было собрано, уложено, лошади ждали во дворе, котят, чуя всеобщее возбуждение, носились по всему дому. Жак, поблагодарив Мари за все, обнял ее, поцеловал в лоб и вышел из дому, сообразив, что будет лишним.

– Ну, вот и все, – сказал Мишель. Мари спокойно смотрела на него, не пряча глаза и не печалась.

– Да, все, – отозвалась она. – Надеюсь, сир, вы меня не помянете лихом.

– Нет, Мари, конечно, нет, – Мишель обхватил ее лицо обеими руками, и губы их слились в долгий поцелуй. – Спасибо тебе за то, что пришла в мою жизнь.

– И тебе спасибо, – Мари отступила на шаг и слабо шевельнула кистью руки. – Иди, тебя ждет многое. И... пожалуйста, не забывай меня. Просто не забывай – и все. И я буду помнить тебя.

– Береги себя, – быстро сказал Мишель и, резко развернувшись, вышел.

Как не пытался Мишель отвлечь себя, думая о предстоящей встрече с сиром Раулем де Небур и обитателями его замка, мысли постоянно возвращались к Мари. Ни слезинки не пролила, а ведь видно было, как тяжело ей, как страшно оставаться одной теперь, после того, как она, возможно первый раз в жизни почувствовала себя защищенной, столкнувшись со смертельной угрозой. Не просила ни о чем, не уговаривала остаться, не обещала ждать, хотя могла бы позволить такое – сомнений нет, что история про странствующего рыцаря произошла на самом деле, благо тому были явные доказательства. Если бы она и вправду попросила вернуться к ней, что ей ответил бы? Бывало, селянки, расставаясь с ним, пробовали надувать губки и требовать, чтобы «молодой сеньор не смотрел больше ни на кого», Мишель, конечно,

отшучивался, а если любовница проявляла настойчивость, напоминал, кто есть она, а кто он. Мари бы он такого не сказал... Он никак не мог найти для нее место в своей душе. Она была слишком сложна и необыкновенна для мимолетной утехы, но облачить ее в белоснежные одеяния Прекрасной Дамы, посвятить ей все свои подвиги и деяния Мишель, разумеется, не мог. Да и самый образ дамы сердца, сотканный в воображении Мишеля из льстивых нитей, какими плетут свои кансоны поэты, был слишком эфемерен и чист, чтобы воплотиться в конкретной женщине... Лучше об этом не думать, а вспомнить, что избранное им поприще не позволяет оставлять привязанности к людям и местам.

К середине следующего дня, когда Мишелем вновь овладела дорожная скука, одолевали назойливые мысли о поединках, а с языка его уже готова была слететь и осуществиться фраза, едва ли не стоившая ему жизни несколько дней назад: «Первого встречного – на поединок!», впереди, наконец, блеснула широкая лента реки Орн. Почувяв свежесть, лошади сами прибавили шагу, и вскоре жадно пили студеную речную воду, в то время как их хозяева смотрели на хорошо видимые высокие городские стены на противоположном берегу. Орн здесь был достаточно широк, моста не было, но в том месте, где тракт упирался в песчаный берег, располагалась переправа, и паром как раз стоял на их стороне. Прижимистый перевозчик – толстый, раскрасневшийся от крепко пригревавшего солнца, попытался было обмануть молодого, скромно одетого дворянина с престарелым слугой, здорово превысив обычную плату за переправу, однако, Мишель, разговорившись минувшим вечером с болтливым и радушным хозяином постоялого двора, где они с Жаком переночевали, отлично знал, сколько будет стоить переправа двух людей с двумя лошадьми, и был готов к тому, что паромщик непременно попытается его обмануть. Толстяк недовольно морщился, принимая из рук Жака «жалкие гроши», и опасливо поглядывал на стоявшего рядом Мишеля, который демонстративно поправлял перевязь меча, и до середины реки нескончаемо бухтел себе под нос что-то о «скупых дворянах» и «простолюдинах, которых вообще гнать надо с такими деньгами». Некоторое время Мишель и Жак, переглядываясь и посмеиваясь, слушали причитания паромщика, пыхтевшего от жары и злости так, будто не могучая мохноногая лошадь, а он, собственноручно, крутил тяжеленный ворот. Мишель вытащил кинжал и развлекался тем, что пускал лезвием солнечные зайчики на потеху крестьянским детишкам, а потом, подмигнув Жаку, громко сказал:

– Вспомнилось мне тут, Жак, как дядюшка Рауль макнул скупого трактирщика в чан с недобродившим элем. Помнишь?

Жак, принимая игру хозяина, кивнул и ответил:

– Как же, ваша милость, не помнить, было дело, не выгорело содрать втридорога за свое кислое пойло...

– Вот я и думаю, не бросить ли этого скрягу, – он кивнул в сторону перевозчика, подкинул кинжал и ловко поймал его за рукоять, – в реку. Скажем потом – ветром сдуло... – Мишель пожал плечами и небрежно махнул рукой так, будто на Орне ежедневно сдувало в воду одного-двух паромщиков, все к этому давно привыкли и воспринимали, как нечто обыденное.

– И рыбы съели, – добавил Жак.

Толстяк побледнел, прикусил губу, и весь оставшийся путь обиженно сопел, но не сказал более ни слова.

Города Мишель не любил с детства. Они казались ему чересчур шумными, многолюдными, душными и в целом бестолковыми. Привычный к неторопливой, размеренной провинциальной жизни, к закрытому и независимому миру родного замка, Мишель терялся в сутолоке и гомоне городской толпы, и не только душой. Однажды, когда ему было около шести лет, отец взял его в Руан на турнир, и Мишель умудрился потеряться на базаре, засмотревшись на мистерию. Кончилось тем, что громко рыдающего мальчика, который и слова не мог произнести сквозь нервную икоту, один из актеров поднял на помост, и его увидели слуги барона Александра. Ужас, охвативший все его существо, когда он обнаружил, что стоит один в толпе

совершенно незнакомых ему людей, кричащих, свистящих, хлопающих в ладоши, надолго запомнился Мишелю.

Сейчас Мишель, конечно, не боялся заблудиться и потеряться, однако, ощущение безнадёжной оторванности от всего знакомого и близкого, поутихшее в последние дни, возникло вновь. Больше всего Мишелю хотелось устроиться в каком-нибудь трактирчике поближе к городским воротам, сесть за дальний стол в углу с кружкой эля или вина. Поэтому, едва увидев зазывающую вывеску «Морской змей», на которой было изображено чешуйчатое чудовище, пожирающее корабль, Мишель без колебаний спешил, передал повод последовавшему его примеру Жаку и толкнул полукруглую дверь, взявшись за истертое до блеска медное кольцо. И тут же от тоски не осталось и следа. Зал был полон молодыми людьми примерно одного с Мишелем возраста и, без сомнения, благородного происхождения. Они весело и громко переговаривались, смеялись, столы, сдвинутые в центр, ломились от множества блюд, кувшинов с элем и вином. В углу отдельно стоял небольшой стол, за которым сидела более спокойная и менее знатная компания – это были слуги пирующих господ.

Едва Мишель успел осмотреться, как к нему подскочил хозяин трактира и умоляюще зашептал:

– Сеньор, простите великодушно, но эти благородные господа велели никого не пускать. Они купили на сегодняшний вечер и ночь весь мой трактир со всеми комнатами...

Мишель начал было отвечать, что ему наплевать, кто кого купил, когда он желает поесть, выпить и отдохнуть, но тут из-за дальнего конца стола, пошатнувшись, поднялся молодой человек – высокий, широкоплечий и плотный, с длинными светлыми волосами, завязанными на затылке в пучок, и, широко замахав рукой, громко крикнул:

– Эгей! Это же мой сосед и друг детства Мишель де Фармер! Я не верю своим глазам! Какими судьбами?! Дружище, иди же к нам!

Трактирщик мгновенно исчез в полутьме подсобного помещения. Мишель, обрадованный и удивленный тем, что его давнишний недруг – один из сыновей барона де Бреалья Гийом величает его «дружищем», пробрался к нему. Гийом, обнявшись и расцеловавшись с Мишелем, будто и не было между ними жестоких драк не до первой, как водится у мальчишек, крови, а чуть ли не до смерти, усадил его рядом с собой и провозгласил:

– Сеньоры! Это воистину необыкновенная и счастливая встреча! Буду считать ее хорошим предзнаменованием. Мы не виделись почти три года! Давайте же выпьем за его здоровье и силу! Помнишь, как ты расквасил мне нос? – Гийом наклонился к Мишелю, тыча пальцем в небольшую горбинку на носу, и подмигнул: – Но и я тебе бока намял! Эй, трактирщик! Вина сюда, да не скупись – получше да покрепче, за все тебе заплачено сполна.

Мишель между тем оглядывал компанию молодых дворян. Кое-кого Мишель видел в замке сира Рауля де Небур, большинство же ему было незнакомо, но в основном его занимало, зачем они все здесь собрались. Что же касается Гийома, так он с семи лет находился в замке дядюшки Рауля, изредка приезжая в Бреаль навестить своих близких, и что он делает здесь, в Аржантане, Мишелю было не понятно. Однако он воздержался пока от расспросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.